

ЯНИНА ЛОГВИН

СОКОЛ И ЧИЖ

Янина Логвин

Сокол и чиж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69417616

SelfPub; 2023

Аннотация

Совет первый: не доверяйте ключи от квартиры друзьям, однажды они без вашего ведома могут впустить в нее жильца. Совет второй: когда любовь стучится в двери – не спешите запирать замки и вешать табличку «Никого нет дома!» Лучше пригласите гостя на чашку чая, иначе рискуете остаться без двери. Совет третий: если нарушили оба первых совета – не жалуйтесь на судьбу, а пеняйте на себя! Когда удача взяла отпуск, самое время собрать чемодан и отправиться вдогонку! Артем Сокольский и Анфиса Чижик – история одной сделки и одной любви!

Янина Логвин

Сокол и чиж

– М-да, не повезло тебе, Фанька, – сказала Ульяна, и я грустно выдохнула в чашку, лениво ковыряя ложкой дешевой чайный пакетик.

– Ага, вот уж точно. Хоть застрелись!

Мы сидели с лучшей подругой в шумной университетской столовой главного учебного корпуса и обсуждали последние события моей сложной студенческой жизни.

Еще вчера все в ней складывалось вполне себе благополучно. Училась я хорошо, подрабатывала, все два с половиной года учебы на экономическом факультете снимала восьмиметровую комнатку у бабы Моти, и вот сегодня утром в одночасье моя упорядоченная жизнь вдруг обрушилась в тартарары. А все потому, что рано поутру эта самая баба Мотя вломилась в мою комнату как испуганный бегемот и сдавленным голосом пропищала – держась рукой за сердце и вращая за стеклами очков по-рыбьи выпученными глазами:

– Анфиска! Быстро собрала вещи и дуй отседова на все четыре стороны! Чтоб и духу твоего не было на моем пороге! Можешь даже в этом месяце за комнату не платить, во как!

Сказать, что я удивилась – ничего не сказать. Платила я хозяйке исправно (спасибо маме с папой, помогали дочурке, чем могли), гулянок не устраивала, парней не водила... Зва-

ли старушку Матильда Ивановна, была она женщиной опрятной, продвинутой, с собственным ноутбуком, наушниками и трехлетним аккаунтом в соцсетях. Любила смотреть турецкие сериалы и уроки вязания, печь пироги. В общем, жили мы буквально душа в душу, а тут такое...

– Д-доброе утро, Матильда Иванна. А что случилось-то? Чего вы меня гоните?

Я оторвала голову от подушки, сдула со лба упавшую на глаза челку и утерла кулаком слюнявую щеку. Все-таки зубрежка макроэкономики до четырех утра срубает человека с ног похлеще снотворного!

Потные ладошки бабы Моти тут же с хлопком легли на необъятную грудь.

– Я-то?! Бог с тобой, девонька! Я тебя не гоню. Я тебя, можно сказать, от душегуба спасаю!

– В смысле? – пришлось все же сесть на кровати и выпростать ноги из-под одеяла. – Какого еще душегуба? – Я старательно протерла кулачками глаза.

– Да племянничка родного! Век бы его, ирода, не видать. Сегодня аккурат освободился. Двенадцать лет, ворюга проклятый, за решеткой за разбой оттрубил, на волю вышел и сразу ко мне намылился. Хорошо хоть позвонил! Встречайте, мол, тетушка, на вольные хлеба! Одна ты у меня кровиночка осталась на всем белом свете!.. Все, Фанька! – глаза бабы Моти за толстыми стеклами очков стали еще больше прежнего. – Уже едет сюда!

– А-а-а! – закричала я.

– А-а-а! – подхватила Матильда Ивановна и, охваченная чувством глубокого сожаления, крепко чмокнула меня в лоб (хоть бы синяк не остался!). – Не поминай старуху лихим словом, детка, – сказала, всхлипнув. – Чем смогла, помогла.

И предложила, пуская тонкую слезу:

– Ты давай сумки живенько собери, вместе в гараж оттащим. Ключ я тебе дам. Как квартирку себе найдешь – так и свезешь вещички. А ключик после в почтовый ящик брось. И чтоб сюда ко мне ни ногой, поняла?! Не дай бог, попадешься злыдню на глаза – не вырвешии-и-и...

– Вот такие дела, Уляш, – я снова хлюпнула носом и посмотрела на пирожок. Пить не хотелось, есть тоже, и пирожок с капустой казался черствым и невкусным.

– Да-а, ни к черту дела, прямо скажем, – вздохнула подруга, подпирая щеку кулаком. – Слушай, Фань, а может, попробовать в общагу устроиться? – предложила. – Ты же студентка и как-никак иногородняя. Должны же они войти в положение.

– Да ходила я. Сразу от бабы Моти и потопала.

– И что?

– Нет мест! Через три недели сессия, к праздникам молодежь разъедется по домам, вдруг кто-то да вылетит... В общем, комендант обещала помочь.

– Ну вот видишь, уже кое-что!

– Да мне и дома общаги хватает, Уль! Видела бы ты мою

сумасшедшую семейку. Я одна привыкла, понимаешь? Так легче на учебе сосредоточиться и работе. Мне бы угол найти, чтобы перекантоваться где-нибудь пару дней, а там девочки из агентства обещали помочь. Эх, Улька, – я снова с чувством вздохнула и принялась дальше ковырять ложкой чайный пакетик, – так жалко свою комнатушку – слов нет! И куда теперь пойти-податься – ума не приложу.

– Фань, а может, все-таки ко мне? – Ульянка с участием заглянула в глаза. – Все ж не на улице. Маму с папой я уговорю, а Лешка и на полу поспит, не сахарный. Где-нибудь в коридоре. А лучше в тамбуре! А?

Вот она, сила настоящей дружбы, даже реветь захотелось. Но я ж не сволочь, в конце концов! Вот не было бы настроение таким паршивым, мы бы сейчас с Уляшкой обязательно от души поржали над ее старшим братцем, спящим в тамбуре, а так... Мало того, что подруга с Лешкой до сих пор делят комнату в родительской двушке на двоих, так еще и меня в их семейном гнезде Лесничих-Ким для полного счастья и не хватало!

– Нет, спасибочки, только не к тебе. Мне еще пожить охота!

Про «пожить» – это я ни капельки не солгала. Дело в том, что семья у моей подруги Уляши глубоко интернациональная. Папа кореец, мать – беленькая уралочка, так что дети получились просто конфетки! Оба розовогубые, ясноглазые и стройные. Вот только, в отличие от Ульянки – Лешке (по

прозвищу Леший) от отца перешла еще и небывалая самоуверенность, поэтому девчонок за ним шаталось – тьма тьмущая! Не меньше, чем за его друзьями – Мальвином и Соколом. Так что не-а, не хватало мне еще с потрепанными патлами ходить!

Мне же, в отличие от подруги, внешность досталась обычная, славянская. Роста я среднего, волосы русые, местами со светлыми прядками. Слишком густые и длинные, в талию, но я уже научилась с этим справляться, затягивая на затылке тугой бублик. И даже ресницы имеются о-го-го какие! Не хуже, чем у Мальвина... ну, если накрасить. А так-то обычные себе реснички, и глазки зеленые. Ничего особенного.

Да! Я же не представилась!

Зовут меня Анфиса – Фанька для своих. Фамилия Чижик. Знаю, сочетание убойное, но возмущение по этому поводу я высказала родителям еще много лет назад. Классе эдак в третьем. Так хотелось быть Олей или Леной. Ну, или Екатериной – как великая императрица! Так нет же! Будь добра с честью носить имя любимой бабули! А то, что наши имена, чтобы не путать, родственнички упростили до Фиски и Фаньки – так это дело десятое! Никто ни меня, ни бабулю не спрашивал!

В общем, посмеялись родители от души моему возмущению, показали старшей дочери язык и назвали только что родившихся девчонок-двойняшек – Николь и Мишель. Чижики, ага. Вот чудачки! А еще у меня есть младший брат Ро-

берт – троечник-недоучка. И если я в глубине души все же лелею надежду когда-нибудь сменить свою птичью фамилию на нормальную человеческую, то Кубику-Рубику как быть?! Ага, триндец! Так Чижиком Федоровичем и летать!

О чем это я?.. Ах, да! Мы же в столовой!

– Нет, спасибочки, только не к тебе, Уль. Мне еще пожить охота! Я и так вижу, как на меня смотрят наши девчонки, зная, что я бываю у вас с Лешкой дома и он даже – о, ужас какой! – помнит меня в лицо! Нет, мне бы придумать что-нибудь самой, вот только что?..

Я как раз вздохнула и приготовилась вновь хлюпнуть носом в остывшую чашку с чаем, когда упомянутая мной троица парней вошла в столовую – Мальвин, Леший и Сокол. Так уверенно прошествовали друг за дружкой между столиками к буфету, как будто им сам ректор бляхи медные на пузе начистил до золотого блеска и бесплатный талон на обед выдал! Все присутствующие девчонки тут же повернули головы в сторону парней и принялись незаметно прихорашиваться.

Настроение было ни к черту, и я, как завистливый дракон, выпустила пар из ноздрей:

– Тоже мне – короли универа! Позеры хреновы! Вот у кого ни печали, ни тебе проблем в жизни. Ешь удачу ложками – не хочу!

– А? – рассеянно отозвалась Ульянка, на долгую минуту выпав в другое измерение, а я только отмахнулась, глядя как у подруги загорелись глаза.

Опять двадцать пять! Подружка вот уже второй курс страдает по Мартынову-Мальвину, а мне терпи!

Не понимаю, и чего такого она в нем нашла? Ну, высокий, светловолосый, по-девчоночьи привлекательный, но вот это заносчивое выражение на лице «а-ля пуп Земли», фирменное движение головы «уберите мне челку с глаз» и капризные губки бантиком... Фу! Ну смотреть же противно! Мне противно, а другие девчонки ничего, пялятся. И на его дружков-индюков тоже.

Нет, я, конечно, не всегда была вот такой – невосприимчивой к чужой красоте. Еще два года назад я бы и сама пускала слюну и томно страдала, с надеждой отыскивая в больших голубых глазах Севы Мартынова свое отражение, как другие девчонки. А сегодня мне внимание таких парней, как Мальвин, – и даром не нужно. Спасибо жизни, научила однажды Чижика, как любить и больно обжигаться. Навсегда запомнила.

Вот и сейчас Уляшка смотрит, а парень обводит взглядом столовую, как будто ищет кого-то, или любитесь отражением себя любимого в чужих глазах.

Боюсь, что на моем унылом лице отразились все чувства. Посчитав, что настроению дальше падать некуда, я приставила два пальца ко рту и продемонстрировала Улянке рвотный рефлекс. Так погано на душе мне уже давно не было.

– Чего ты, Фань? – включив сознание, тут же поджала губы верная подружка. Покраснела, засмутившись, когда го-

лубой взгляд скользнул по нашему столику и задержался. – И ничего Мальвин не фу! А очень даже симпатичный! Только Лешка, гад, знакомить не хочет! Я сколько раз просила, а он отнекивается.

– Правильно делает, – одобрила я мудрое решение Лешего. – Ему как старшему брату лучше знать, какого ты парня заслуживаешь. Поверь мне, это точно не Мальвин!

Ну вот, кажется, Уляшка снова обиделась. Я обожаю свою подругу, но когда дело касается парней, наши с ней взгляды на привлекательность последних кардинальным образом расходятся, и тут уж ничего не поделать. Плюрализм мнений, кирдык его за ногу!

– Ты так говоришь, Фанька, – Ульянка нахмурила тонкие брови, – как будто сама не студентка экономического факультета со стипендией в три копейки, а принцесса датская, не меньше, избалованная вниманием принцев. Ну ладно мой Лешка тебя ни разу не зацепил, у него внешность специфическая и характер свинский, но ты еще скажи, что тебе Сокол не нравится. Ни за что не поверю!

Еще одна местная знаменитость!

Я обернулась и посмотрела на Артема Сокольского, который сейчас с Лешим и Мальвином как раз садился за центральный столик, самым наглым образом сгоняя с места мальчишек-первокурсников, грозно рявкнув: «Исчезли, мелочь!»

Русоволосый, с модной стрижкой, не такой высокий, как

друг, но куда спортивнее и резче в движениях. На мой взгляд, слишком вспыльчивый и необаятельный, чтобы вот уже третий год подряд оставаться капитаном футбольной команды университета. Первый задира, которому, по слухам, всегда все сходит с рук. Эдакая смесь Брэда Питта и Тома Круза двадцатилетней давности с признаками самоуверенного психа. Смешайте все ингредиенты в одном флаконе, хорошенько взболтайте, и я уверена, вы меня поймете.

Вообще-то от таких парней я стараюсь держаться подальше, потому как ничего приятного в них нет! Ну, кроме внешности, конечно. Обычным девчонкам рядом с ними уж точно делать нечего! Ни верности у них, ни совести!

Нравится ли мне подобный тип, перетискавший половину девчонок на факультете и наверняка оставивший их с разбитым сердцем?.. Хм. Ну, если подойти к вопросу с теоретической стороны, то, пожалуй, я бы не отказалась быть прижатой таким красавчиком к стене – в одном из своих эротических снов. Но с практической, в реальности... О, не-е-е-ет! Мне и так в жизни проблем хватает! Маленькая поправочка: с некоторого времени Анфису Чижика местные бруталы на букву «К» не интересуют!

– Не-а, не нравится. Ни капельки, – я снова повернулась к подруге. – Глупо мечтать о том, кто высоко летает и метко гадит в душу. А насчет Лешки, Уль, это ты зря. Вот если бы не знала о грязных носках твоего брата под кроватью, и как он тебя достает – обязательно бы влюбилась. А так извини,

ему и без меня женского внимания хватает.

Ульяшка вдруг скисла и виновато повесила нос.

– Это ты меня извини, Фань, – сказала грустно. – У тебя тут жизнь рушится, ночевать негде, а я сижу и, как последняя сволочь, обсуждаю достоинства местных парнокопытных. Да пошли они все!

И такое лицо у нее вдруг стало виновато-жалостливое, что мне захотелось подругу приободрить. Ну, подумаешь, отвернулась удача – с кем не бывает. Что же мне теперь своими проблемами друзьям жизнь портить?

Я заставила себя съесть пирожок и даже заулыбалась. Мол, ерунда проблема! Да кто не был бездомным студентом! Подумаешь! Все еще возьмет и ка-ак образуется всем на зависть! Я же оптимист!..

– Да брось, Уль! Все будет хорошо! Вот увидишь! – бодро так сказала, вот только улыбка почему-то вышла кособокой и последний кусок пирожка в горле застрял.

И добавила уже не так уверенно, глядя в темные Ульяшкины глаза:

– Пошли уже на пару, Ким, а то опоздаем. В моем случае уж точно вечер утра мудренее.

Но как бы я ни хорохорилась, учебный день подходил к концу, а вариантов, где заночевать – у меня по-прежнему не было.

Последняя пара у нас с Ульяшкой проходила в разных аудиториях, мне не хотелось смущать подругу, и как только

преподаватель закончил лекцию, я вышла из корпуса и поспешила к остановке. Села в автобус, проехала два квартала и сошла, чтобы пешком направиться к кафе, в котором работала по вечерам. Моя смена начиналась через два часа, обычно я успевала заехать домой и переодеться, но сегодня пошла напрямиком к кафе, понадеявшись, что Тимуру пара лишних рук никогда не помешает. А там видно будет, что дальше делать и где спать. Вот выпроводим последних посетителей, и заночую на скамеечке в подсобке, если хозяин не прогонит. Ну а если прогонит, делать нечего, как все бездомные, поплетусь на вокзал. Как раз за вечер и заработаю себе место в vip-зале ожидания. Три ха-ха.

Работала я в спортивном кафе-баре «Маракана», расположенном в центральной части города, названном так в честь самого известного футбольного стадиона Бразилии и всей Южной Америки, где прошло много памятных матчей и мировых первенств в истории спорта. Хозяин кафе – Тимур, довольно молодой еще парень, оказался ярким фанатом футбола, и за год работы в кафе под его началом, обслуживая клиентов во время матчей, слушая вполуха их не очень трезвые разговоры, я успела так много узнать о футболе (для простой девчонки), что теперь запросто могла каждому любопытному объяснить, что же такое офсайд. На пальцах, конечно, объяснить, но сам факт!

На полной ставке в кафе работали посменно два официанта, повар (на легкие закуски), бармен, охранник и посу-

домойка. Зарабатывали ребята неплохо, бар пользовался заметной популярностью у молодежи и компаний постарше, расширять штат никто не соглашался из-за любви к своим кровным, и моя задача бедной студентки состояла в обеспечении этих жадин лишней парой рабочих рук. Когда нужно, я могла и столики обслужить, и посуду помыть, и столы вытереть. Подумаешь, лишь бы платили. Хозяин рассчитывался наличными после каждого выхода на мои полсмены, меня это устраивало, и выходить я старалась почаще.

Ульяшка не соврала, до принцессы датской мне было, как до луны, и три копейки заработка к трем копейкам стипендии – позволяли чувствовать себя почти свободным человеком. Как там в знаменитом фильме «Девчата» говорила Тося Кислицына: «Хочу – халву ем, хочу – пряники»? Так вот, ни то, ни другое я не любила, а вот от шоколадки отказаться не могла.

Раз столик. Два столик. Три...

В кафе было не очень много посетителей, я как раз закончила обслуживать молодую пару, когда в кармане отозвался телефон.

– Алло? – Звонок был с неизвестного номера, только поэтому я нажала кнопку «принять» и поднесла телефон к уху.

– Привет, Фань. Это я.

Голос был мне знаком, и тут же захотелось отключиться. Парень это почувствовал, потому что почти выкрикнул:

– Подожди, Анфис! Пожалуйста!

– Чего тебе?

– Мы давно не говорили по-настоящему.

– И?

– В эти выходные хочу съездить домой – поехали вместе?

Что?! Черт! Захотелось взвыть: ну что за день! Я совершенно точно на выходные собиралась к родителям. Как же так? Вот же закон подлости! Только бывшего мне в дороге и не хватало! А если еще учесть, что он мой сосед...

– Нет.

– Ну, Фань, перестань. Сколько можно дуться, как маленькая.

– Сколько нужно, столько и можно.

– Мы же уже говорили, солнышко. Я тебе столько раз объяснял, что отношения во время учебы в университете – для меня ничего не значат! Помнишь, как у хиппи? Это время свободы, детка! Никто никому не должен, живем один раз! Учеба закончится, и мы снова будем вместе, обещаю. Я легко зачеркну прошлое.

До чего же не хотелось с ним говорить.

– Да мне все равно – значат или нет. Я тебе повторю, мне не трудно: между нами давно все закончилось. Твоя личная жизнь меня больше не интересует и не касается никаким боком. Отстань, а?

Как всегда он решил обвинить меня. Ничего нового. Даже голос звучал с обидой.

– Все было бы хорошо, Фанька, если бы ты не приехала

учиться в этот университет. Я тебя просил, предупреждал. Кто тебе мешал поступить на учебу в другой город, как ты планировала? Пять лет, это все, что мне было нужно!

Никто не мешал, душой была потому что. Хотелось своему парню-студенту сюрприз сделать. Сделала – себе. Кто же знал, что так глупо и некрасиво, в один миг закончится моя школьная любовь. Я-то мечтала, что он обрадуется, узнав, что поступила в его университет, а на деле получилось наоборот. Не только не обрадовался, но даже и виду не подал, что знаком с глупой провинциалкой в немодном платье, когда я нашла его в компании таких же, как он сам, друзей, а на руках у него оказалась незнакомая девчонка. Красивая девчонка. До сих пор помню высокий каблук и короткую юбку, и пальцы моего парня на голом бедре. Помнится, тогда своим появлением я прервала страстный поцелуй...

Козел! И как я столько лет могла к нему что-то чувствовать?

Нет, я не собиралась ничего объяснять и уж тем более понимать. Уходя – уходи. Тогда я ушла, смогла уйти, хотя ноги дрожали, а крик рвался из груди. Неделю белугой проревела, а потом ничего, отошла. Спасибо чуткой заботе Матильды Ивановны, ее поучительным байкам по мотивам турецких сериалов и сладким пирогам. И спасибо учебе. В конце концов, я действительно сюда за профессией приехала, а не ползать за бывшим побитой дворнягой. Ревнивой дворнягой, которую добрый хозяин то поманит к руке, то прогонит.

Не-ет, это точно не про меня. Как там сказал Омар Хайям: «Ты лучше голодай, чем что попало есть. И лучше будь один, чем вместе с кем попало»?

Так вот – это по мне! Лучше быть одной!

– Фань? Так я куплю билеты и подожду тебя на вокзале? Давай к шести. Как раз к восьми будем дома. Может, сходим куда-нибудь? Ну не могу я, Чижик, соскучился...

Че-го?

– Да иди ты! – я вдруг рассердилась. И так жизнь не клеится, так еще и этот дятел – нашел момент, чтобы добить. – Иди ты со своими билетами знаешь куда! Соскучился он! Больше никогда мне не звони, понял! Никогда!

Звонок сбросила, но почему-то легче не стало.

Было уже десять часов вечера, бар привычно гудел, когда за столик у окна уселся Лешка. Я как раз успела все прибрать.

– Привет, Чиж, – поздоровался, взглядывая черными глазами сквозь упавшие на лоб крашенные светлые прядки.

– Ну привет.

Иногда Леший с друзьями захаживал в кафе, поэтому я не очень удивилась, увидев перед собой брата подруги.

– Все нормально? – спросил.

– Все нормально.

– А чего тогда ревешь?

– Тебе показалось, Ким. – Я выпрямила плечи и сунула тряпку за спину. Опомнившись, принялась с новым усерди-

ем тереть столешницу. – Заказ сделаешь? Или будешь и дальше меня рассматривать? Я, знаешь ли, сегодня немного не в форме и не в том настроении. Так что давай без своих обычных штучек. Все равно на меня твои приемчики не действуют.

Лешка улыбнулся. Сложив руки на столе, оглянулся в сторону друзей и придвинулся ближе.

– Я заметил.

– Вот и хорошо.

– Что ж ты всегда такая колючая, Чижик? – удивился, заглядывая в глаза. – Может, я помочь хочу, а ты кусаешься. Ульянка рассказала о твоей беде. Если хочешь, давай к нам. Обещаю ночью не приставать.

Да кто б тебе еще позволил! Но на деле получилось только жалко хлопнуть носом.

– Ты же знаешь, что не поеду.

– Фань, – парень вдруг изменился в лице и стал похож на нормального человека, а не на остряка-гоблина, каким частенько бывал. – Неужели серьезно ночевать негде?

– А что я, по-твоему, здесь делаю в начале одиннадцатого? – вздохнула. – Да все нормально, Леш, не переживай. Лягу в подсобке. Два дня занятий, а там на выходные домой уеду.

– А разве Тимур не ставит бар на сигнализацию? Кто ж тебя здесь оставит?

Все-то он знает. И правда – кто? Пожалуй, на это и отве-

тить нечего.

– Ну-у...

На стол со стуком упали ключи.

– Держи, Чиж! Переулок Федосеева, дом два, квартира двадцать восемь. Седьмой этаж. Сегодня переночуешь, а завтра что-нибудь придумаем.

Я уставилась на ключи, как некормленная дворняга на кость, от неожиданности прижав тряпку к груди. Захлопала на парня изумленно ресницами.

– Ой, Лешка, правда, что ли? Мне?

– Правда. Для себя добывал! Сестре спасибо скажи. Достала своим Чижиком!

– Спасибо!

Парень уже встал, собираясь уйти, но вдруг обернулся.

– Только, Чиж, смотри – чтобы завтра к девяти утра тебя из квартиры ветром сдуло! И постарайся не наследить, ясно? Ключи в универе с Ульянкой передашь – так, чтобы никто не видел!

Я энергично закивала. Счастье в жизни есть, однозначно!!

– Не будет! У меня же первая пара в восемь! Да я уже в семь исчезну как Золушка с бала! Честное пионерское!

И почему Леший вдруг озадаченно нахмурился?

– И никаких оброненных туфелек, – строго сказал.

– Обещаю!

– Ну, тогда беги, Чижик!

– Постой, Лешка! – на самом деле это я уже убегала к под-

собке, но повернула назад. – Ты не сказал – в квартире кто-нибудь живет?

– Вообще-то хозяин имеется, – кивнул парень. – Но не переживай, Фань, он только что в другой город свалил, а мне вот ключи оставил – с девчонкой оторваться. Он, гад, дальше прихожей и кухни не пускает, так что ты – считай моя ему месь.

Леший растянул рот в недоброй усмешке, а я покачала головой. Нет, не понять мне мужскую дружбу.

– Фу-у! – оттопырила вниз большой палец, но губы улыбались.

На самом деле мне было все равно. Понять бездомного способен только бездомный. Я устала думать, устала переживать, сейчас я хотела лишь одного – спать!

Йух-ху! Я кинулась к своему шкафчику в подсобке и в две минуты сняла форму, натянула пуховик и шапку. Затолкала в сумку завернутые в бумагу бутерброды. Ну и подумай, что вместо чаевых у меня сегодня съестная добыча. Они совсем нетронутые на тарелке лежали – поджаренный хлеб, маслице и красная икорочка. Зато будет, чем позавтракать. Клиенты оставили, а мы – студенты – народ не гордый! Мы и себе прихватим и про товарища не забудем! Да и вообще – вдруг бы пришлось на вокзале какого-нибудь бомжа накормить!

Не-ет, понятное дело, что если бы меня вот так же красиво обхаживал парень, как ту расфуфыренную девицу за сто-

ликом – и тебе закуски на полстола, орешки-хрустики, пиво-коктейли разные, – я бы тоже клевала птичкой и глупо улыбалась щедротам мужской души. Клевала бы, а сама молилась, чтобы молния на юбке не разошлась или шов в интимном месте не треснул. А потом бы пришла домой, переделась в халатик и с голодухи полкастрюли мамино борща наворачнула. Здесь я девицу понимаю. Вот только на меня-то зачем волком смотреть, когда уходила? Да я вообще предпочитаю отдыхать с подружками! С ними и молнию, в случае чего, расстегнуть можно, и с собой все, что нужно, завернуть! Даже пальцы облизать, если очень хочется!

Я закинула сумку на плечо и побежала к черному входу.

– Пока, Тимур! – чуть не сшибла с ног хозяина, налетев на парня в коридоре.

– Держи зарплату, Фанька.

– Пока, Райка! – махнула рукой официантке, курившей на крохотном крыльце, сбегая по ступенькам. – Я ушла!

И припустила что есть духу к остановке.

Та-акс, переулок Федосеева, дом два...

До остановки оставалось метров сто, колючий морозец неприятно кусал за щеки, ноги оскальзывались на мерзлых лужах, я на ходу достала телефон, включила нужное приложение и стала набирать указанные Лешкой координаты, запрашивая маршрут. Время на улице было позднее, лично я не привыкла в такое гулять-шататься, и приключений на мягкое место совсем не хотелось, учитывая, что ехать пред-

стояло в малознакомый район.

Есть! Эврика! Карта-навигатор сбоев не дает! До чего же техника дошла! Нужный мне переулок оказался в двадцати минутах от центра, в пятнадцати от университета, и мобильное приложение послушно выдало запрашиваемый номер автобуса – «57». Теперь посмотреть расписание...

На остановке стояло человек пять ожидающих – все сплошь мужички угрюмого вида. Потопталась между ними для храбрости, после чего пришлось отвернуться к дороге и взывать к удаче, все время сжимая газовый баллончик в кармане, пока на проспекте не показались заветные огоньки фар. Деньги мне были нужны на съемную комнату и переезд, так что мысль о такси я оставила на крайний случай.

– Переулок Федосеева! – сонно отозвался кондуктор, когда мой нос почти прилип к окну, рассматривая окрестности. – Девушка, вам выходить!

– Спасибо!

Автобус затормозил, двери открылись, и я выскочила. Сделала несколько смелых шагов вперед... и остановилась, неожиданно в этом безумном дне вдруг оказавшись одна. Вскинула голову, оглядывая ряд стройных белых высоток, протянувшихся вдоль улицы. Только сейчас, пожалуй, осознав, на какое сумасшествие решилась. Войти в чужой дом, в чужую квартиру незнакомого человека, чтобы остаться на ночь. Вряд ли такому поступку даже в девятнадцать лет можно найти оправдание.

Точно с ума сойти! Но если я еще секунды две посомневаюсь, взывая к совести, то окончательно сдрейфлю и останусь спать на улице! А этого мне в декабре месяце – ой, как не хотелось! Нужный дом стоял вторым от дороги, и я, уверенно выдохнув, потопала к первому подъезду. Прочь сомнения! Лучше буду помнить о том, что я – Лешкина месть, чем трусливый бездомный заяц!

Нет, ну что за засада! Самый настоящий закон подлости! От обиды даже слезы на глазах выступили и губы задрожали. Уже и квартира есть, и ключи, и совесть спит, и даже появилось желание срочным образом обжиться, а я стою полчаса на улице, как дура, карауля запертую дверь в подъезд. И никогошеньки вокруг – ни единой живой души!

– Да не помню я код замка, Фанька! Ну, спроси там у кого-нибудь или жмякни в домофон! Делов-то!

Вот всегда знала, что Лешка балбес. Как можно не знать очевиднейшую вещь! Тоже мне, а еще друг хозяина называется. Как он вообще собирался с девчонкой-то идти?! Зря только у Ульяшки телефон выпросила.

Я с досадой нажала функцию «отбой» и вздохнула.

– Девушка, кх-кх, а вы, собственно, к кому?

Господи! И откуда они берутся – эти любопытные бабульки в двадцать три с копейками по Москве? Делать им, что ли, больше нечего, как в засаде сидеть? Лично моя – высунула нос в узкую фрамугу окна первого этажа и подозрительно прищурилась.

В городке, где я жила, в родительском доме тоже имелась такая фрау Мюллер, и я из личного опыта знала, что отвечать нужно быстро, четко и вразумительно, пока бдительный датчик наблюдателя не засек диверсанта. Иначе в ход запросто мог пойти водяной пистолет, а то и что похуже. Например, свисток и старое охотничье ружье. Ржавое и без патронов, но кто о том знает? Именно так моя соседка баба Шура отгоняла от подъезда разгулявшуюся молодежь.

– К Ивановым! – бодро ответила, вытянувшись перед бабушкой по стойке «смирно». – Племянница я! Телефон вот разрядился – позвонить не могу, а номер кодового замка забыла!

О-о-ой, и чему меня только жизнь учит. Уже и врать начала, да так складно! Хорошо хоть мама не слышит.

Не знаю, то ли у меня лицо выглядело больно жалостливо, то ли в подъезде и впрямь жили Ивановы, но окошко тут же закрылось, а уже через минуту эта самая бабулька – в фуфайке и шапке – отперла заветную дверь в подъезд и посторонилась. Скомандовала строго:

– Проходи! Несчастье ты эдакое! Стоишь тут, глаза мозолишь! – а сама из-за очков зырк-зырк, как злой таможенник на нелегала. Фиксируя – рост, возраст, вес.

Ну и зачем, спрашивается, такой старушке домофон? Ей бы металлоискатель и рентгеновский луч! А ведь могла всего лишь нажать кнопку и преспокойно себе дальше попивать компот. Или что там старушки на ночь глядя попивают.

Только я перешагнула порог, захлопнула дверь, вознамериваясь сказать спасительнице спасибо, как тут...

Как тут случилось нечто страшное!

Как вы думаете, что такого ужасного может произойти с человеком в незнакомом доме, в незнакомом подъезде, в компании ворчливой старушки практически в полночь? Зимой, в послепиковое время часа «Икс»? Правильно. В доме отключили свет! И судя по тому, как вокруг стало темно – свет отключили во всем районе.

Рядом, как глас из потустороннего мира, раздался скрипучий голос бабули.

– Хорошо, детка, что в лифт не села. Знаю я их поломки. В прошлый раз только к утру и починили, алкаши-дармоеды!

Лифт! Сердце прямо прострелило от этой мысли. Вот не умеем мы ценить удачу.

– Ой, да-а.

– Сама дойдешь? Я за фонариком не пойду – темноты боюсь. Да и ноги у меня, у старой, уже не те, чтобы туда-сюда бегать.

– Д-дойду.

– Ну, давай, с богом! Тетке от Петровны привет передашь.

Выходит, с Ивановыми я угадала? Вот они завтра удивятся-то! В том, что бабулька доложит о нашем приключении – сомневаться не приходилось.

– С-спасибо.

Пошла. По стеночке, по стеночке... Осторожно, тут сту-

пенька, вот еще одна... Куда идти-то хоть, господи? Я же здесь не была никогда. Так, Фанька, отступить поздно! Даже перед лицом неизвестности! Держись за поручень крепко, и главное – считай этажи. Если промахнешься, в такой темноте хрен сориентируешься!

А Лешка-то, оказывается, ни капельки и не балбес! Взял и догадался номер этажа сказать! Молодец Лешка!

Поворот... Еще один пролет... Тьфу ты! Чуть носом не клюнула – откуда только порожек взялся! За спиной послышался чей-то смешок... или показалось? Клянусь, волосы на затылке, стянутые в бублик, зашевелились. Вот невидимый преследователь уже и ногой тихонько шаркнул, догоняя. Я же слышала... и-или нет? О-о-ой!

Ноги зашелестели, спотыкаясь по ступенькам, руки зашарили по карманам. Вот дурында-то! У меня же телефон есть! Правда, в легенду для Петровны не вписывается, зато совершенно точно мне жизнь спасет! И газовый баллончик! Зря я его, что ли, в магазине низких цен в распродажу покупала!

Кстати, а чего это бабулька домой не идет? Что-то я не слышала, чтобы внизу дверь хлопнула. Неужели стоит и слушает, как Штирлиц под личной пыточной Мюллера – будет ли крик?.. А может, тот, кто шаркал в темноте, ее уже того? Ну, сами понимаете – прикокнул?! О-о-о...

Хочу к бабе Моте! Страсть как хочу!..

Как только экран засветился – дышать стало легче. И никого вокруг, только тени. Бррррр...

Еще один пролет... Четвертый этаж... Пятый... А подъезд вроде бы ничего, ухоженный. Вон, даже кадка с фикусом стоит, и велик детский. Ты смотри, и не боится народ оставлять. У нас бы дома такой давно уже сперли!

Телефон пискнул, и от неожиданности я его чуть не уронила.

Батарея – семь процентов! Пик-пик – пять! Пик-пик... О нет, нет, нет! Пожалуйста! Я бросилась вперед. Да где же эта чертова двадцать восьмая квартира?! Только не сейчас! Только не смей выключиться! Слышишь! Китайская твоя сборка! Я же даже ключ в замок по-человечески вставить не смогу! А вдруг не тот и не туда! А вдруг не с той дверью возиться стану – загребут Чижика в тюрьму, как племянничка Матильды Ивановны! За покушение на жизнь мирно спящих граждан и разбой! А там – прощай универ и карьера! Здравствуй наручники и забор! И ждет тебя, Фанька, холодная Колыма...

А все телефон виноват!

Руки дрожали, как у взломщика-самоучки, когда отпирала дверь нужной квартиры и пробиралась внутрь. Но дверь захлопнулась, и телефон погас...

Сплошная темнота.

Мамочки-и... Хочу на вокзал к бомжам!

Наверное, я бы еще долго так стояла, прижавшись спиной к стене, прислушиваясь к грохоту собственного сердца в тишине чужой квартиры, но организм поторопил срочно найти

санузел.

Шум воды отвлек. Получилось даже раздеться и умыться. Где-то оставить сумку и сапоги. Окончательно взяв себя в руки, я потопала на ощупь по коридору и – о чудо! – нашла комнату. Одну. И кровать. Больше у меня сил ни на какие поиски не было. Осталось только сбросить джинсы и свитер.

Комната была темной, кровать большой и уютной. Сначала я легла на край, но стало жутковато и потихонечку, потихонечку отползла к стене. Там и заснула, накрывшись одеялом с головой, думая о том, что, пожалуй, запомню это приключение на всю жизнь!

Хоть бы не проспать...

Трр!

Трреееень!

Трреееееееееееееееень!!

Господи, ну что за люди! Разве можно с утра пораньше так настойчиво звонить в дверь? Баба Мотя там что – уснула?

Тре-е-е-ень!

Фу-у-у, до чего же звук противный. Потянула одеяло на голову. Нет бы птички там чирикали – соловьи-канарейки всякие, или мелодия звучала приятная, а так словно дрелюю в мозг и навывлет. И с чего это Матильде Иванне пришло вдруг в голову звонок сменить?

Тре-е-е-ень!

Да что она там, оглохла, что ли, баба Мотя-то?! Кто в доме

хозяйка, не пойму?! Ведь наверняка это ее подружку – Милу Францевну с утра пораньше черти за спицами или крючком принесли. И не буду я ей открывать. Фигушки! Знаю я этих хитрющих пенсионерок. Сначала спицы, а потом: «Анфиса, деточка, сгоняй за сметанкой и хлебушком в магазин». Ага, за три квартала – там свеженький! В конце концов, это не я с ней дружу! Вот если еще раз позвонит – все бабе Моте выскажу!

Бабе Моте...

Стоп. Что-то ёкнуло в подсознании – жутковато-тревожное. Глаза сами собой распахнулись.

Утро. Племянник. Лешка.

Ночь. Подъезд. К-квартира.

Квартира!

А-а-а! Проспала! И в дверь кто-то ломится! Все! Хана мне! Если хозяйева не повяжут, то Лешка точно шею свернет! До чего ж я все-таки невезучая!

Тре-е-е-е-ень!

Знаете такое полезное упражнение – «велосипед»? Думаю, все в школе на уроках физкультуры проходили. А под одеялом «крутить педали» не пробовали? На скорость? А вот я попробовала. И, кажется даже, у меня получилось взять легкий старт.

Я взвилась на постели пружиной, но, честное слово, сдержала бы крик. Я бы молчала в тряпочку, как суслик, выискивая в панике пути отступления, если бы вдруг не увидела

ноги. Мужские ноги. И упругую голую задницу, в которую едва не клюнула носом. Кто-то спал в одной постели со мной, развернувшись валетом... и под мой крик начал шевелиться.

– А-а-а-а! – заорала я и полезла через эти ноги Топтыгиным. Запрыгала, чуть не запутавшись в них, скатилась на пол и потянула, прикрываясь, одеяло на себя, но у меня его с таким же криком вырвали, оказавшись сильнее в руках.

– А-а-а-а!

Так-с! Тут маленькое отступление.

Что вы знаете о птицах семейства соколиных? О соколах? Лично я знаю кое-что – спасибо телеканалу «Планта животных», собственной любознательности и школьному кружку «Юный натуралист», в котором занятия вел мой папа – учитель географии. Это птица отряда хищных, питающаяся мелкими млекопитающими, насекомыми и птицами. Обладательница длинных крыльев и острого клюва. Зоркого глаза. Крупные особи порой вырастают до полуметра. Очень быстрая в полете и сильная. Например, белую куропатку бьет на лету, пикируя с большой скоростью. Насчитывает три десятка различных видов и названия этих видов, кроме сапсана и кречета, я вам, конечно, с лету не скажу, но! Тот птиц, который сейчас сидел передо мной – а это был не кто иной, как Артем Сокольский – совершенно точно был из семейства «сокол пучеглазый». И сейчас взирал на меня, раскрыв в изумлении не только серо-карие мигающие глаза, но и рот.

Прическа у Сокола была, как у дельтапланериста – модная

челка на взлете. Видимо, до того, как я заорала, парень преспокойно себе дрых носом в подушку, а тут такое. О своем внешнем виде вообще промолчу. Слава богу, я догадалась поймать запущенный в меня предмет, и теперь прижимала подушку к груди, как пират сундук с золотом, раскорячившись на полу.

Наверняка это все стресс виноват, иначе чем еще можно объяснить тот факт, что самый главный вопрос почему-то задала именно я.

– Ты-ы?! Ты откуда здесь взялся, Сокольский?! Тебя же не было!

Но, увы, парень не оценил мою смелость. У него, в отличие от моего писка, получился настоящий рык.

– Я-то?! Это ты откуда взялась, н-ненормальная! Совсем офонарела к чужим людям в дом пробираться и в постель лезть! Вы там что, с девчонками чокнулись все на этих шоу «Прояви хитрость – завоюй парня»?! Сначала письма, звонки, потом – встречи в подъезде. Что за фигня! Так далеко еще ни одна не заходила!

– Я не хотела, честно...

– Ну да, рассказывай! И штаны снимать не хотела, и задницу мою щупать, и орать, как дурная баба в трубу. Чуть заикой меня не сделала!

– Да ничего я не щуп...

– Скажи еще, что от удивления сирену включила! А я поверю, ага, что ты не знала, к кому в постель забралась! Кто

здесь живет, по-твоему?! Твоя мама?! У меня что, на лбу стоит печать «идиот»?

Ого, как темные брови нахмурились, глаза засверкали. Если бы не челка и примятый след на щеке, запросто испугаться можно. Хотя, кажется, я и так боюсь.

– Ну да...

– Что-о?!

– Конечно, не знала! Ни о чем не знала! Да я вообще в твою квартиру случайно попала!

– Так, хватит! Устроила тут цирк! – Сокольский заерзал в постели, обматываясь одеялом. Я тоже завозилась, собирая в кучку раскинутые конечности. – Я тебе не главный клоун на конкурсе юных аниматоров! Не с кем переспать – дуй на сайт знакомств и решай проблемы по-взрослому, без меня. А я сам выбираю, с кем спать, где спать и когда спать, ясно?! И вообще, – серые глаза злобно прошлись по мне, – с чего ты взяла, что можешь мне понравиться? Да ты вообще не в моем вкусе!

Что-о?! Пффф! Скажите пожалуйста, какой эстет! Да очень надо! Была б здесь Мила Францевна, она, как известная в прошлом пианистка, объехавшая полмира, быстро бы объяснила этому индюку, что такое хороший вкус, а что – моветон. А я, так и быть, промолчу. Не было счастья – и не надо!

Видимо, мое лицо соизволило отобразить работу мысли, потому что Сокольский вдруг наставил на меня палец.

– Вот только не вздумай устраивать спектакль! Много вас таких – желающих внимания. Достали уже!

Нет, ну надо же! Вот это самомнение – мне бы такое! Он точно сокол, а не орел?

– А я и не устраиваю. Конечно, удивилась! Можешь не верить, но я действительно не знала, что здесь живешь ты. Лешка сказал – друг! А еще – что друг уехал в другой город, вот! Ну я и подумала...

Темная бровь Сокола в злой иронии взлетела вверх. Прямо патриций в этом одеяле, ни больше ни меньше. Только лаврового венка на голове не хватает – чтобы печать на лбу прикрыть. Но он прав. Даже логика сегодня против меня. Я действительно могла догадаться. Много ли у Лешки друзей, кто может похвастаться отдельной квартирой? Вряд ли. А про Сокола мне Ульянка раньше говорила, что он живет один, и что отец у него какая-то важная шишка.

– Как уехал, так и вернулся. Я, к твоему сведению, не ночью где попало! А Леший вообще должен был через час свалить...

Видимо, не только у меня кипела работа мысли, потому что парень вдруг нахмурился и выдал:

– Постой. Ты сказала Лешка? Ким? Так это с тобой он тут, получается, мутит, а затем спать оставил? Он что, гад, совсем охренел – в моей постели своих девчонок топтать?!

Ой, кажется, птичка сейчас лопнет – так Сокол надулся и покраснел. Даже ногами засучил, сползая с кровати. Вместе

с одеялом, конечно! Что-то до Лешки я его не так выводила из себя.

Стоп! Лешка. Открутим пленку назад. Это чего он только что сказал?!

Похоже, в этой комнате сейчас лопнут две птички.

От обиды я тоже на ноги схватилась, но подушку не отпустила – уж если блюсти честь, так до конца!

– Что?! Да не хватало ужаса ходить за этим делом по чужим домам! И не было у меня ничего с Лешкой! Мне просто ночевать было негде, совсем! У меня хозяйка золото, я у нее два года комнату снимаю, а вчера к ней племянник из тюрьмы вернулся – уголовник-рецидивист! – вот и сбежала. Уже думала, на улице спать придется, а тут Ким с ключами. И не был он у тебя вчера, только я. Я вообще собиралась рано утром уйти, чтобы ты и не узнал даже! Но у меня телефон выключился, а в доме свет пропал – не зарядить! Я тихонько вошла, легла – все! И нужен ты мне, Сокольский, как зайцу стоп-сигнал! Я и фамилию-то твою знаю только потому, что в универе слышу часто. Хоть бы подумал сначала, лезла бы девушка к тебе в постель в футболке и колготках, если бы хотела охмурить. Да чтоб ты знал, ты тоже не в моем вкусе, понял! Иначе я бы хоть прихорошилась!

Сказала и рожицу постаралась скривить так, чтобы он наверняка понял, что я о таких, как он, думаю.

– И я тебя не щупала – больно надо! А за вторжение извини. Некрасиво, конечно, получилось. Если что, я белье и

постирать могу. – И уточнила на всякий случай: – Когда будет где.

Меня снова смерили жутким взглядом.

– Спасибо, не надо! Уж лучше от тебя сразу отвязаться!

Вот тут я не могла не согласиться! Но плечами для приличия пожала.

– Ну как хочешь. Мое дело предложить. Так я пойду? Мне еще на занятия в универ хотелось бы попасть. Сегодня лекция у Баталова, а он знаешь, какой препод – у-у, гризли! Доказывай потом на сессии, что ты не рыба – проглотит и не заметит! Так что, Сокольский, спасибо тебе за ночь, и все такое. Кажется, было даже приятно познакомиться...

И по стеночке, по стеночке стала отползать к сброшенным на пол вещам. А квартирка-то у Сокола ничего, приличная. Окна высокие и потолок светлый. Мебели, конечно, мало, зато стол письменный с компьютером – вот мне б такой! Лампа, колонки, камера, МФУ. Как в кино у хакеров – полный фарш! И все это в комнате размером, как моих три!.. Ух, ты! – чуть не споткнулась. Вот это плазма! На полстены! Я такую только в универмаге техники и видела! Даже потрогать от удивления захотелось, но покосилась на хозяина и передумала. Еще заклюет как куропатку, и вякнуть не успею, вон как смотрит недружелюбно.

На лице у Сокола застыло выражение крайнего возмущения. Нет, ну странный народ эти парни, ей-богу! Значит, то, что без спросу к нему в квартиру проникла – пережил. А то,

что не в моем вкусе – переварить не может!

– Познакомиться?! Издеваешься?! Ну и наглая же ты, Пыжик! Я вспомнил тебя. Давай, отваливай вместе со своим спасибо! А с Лешим я сам поговорю – напросился! И попробуй только кому-нибудь рассказать, что спала с... что мы вместе... черт! Что ночевала у меня, и клянусь...

Но чем именно клянется и на чем – Сокол договорить не успел. Впрочем, так же как я возмутиться, что и вовсе я не Пыжик, а Чижик – плохая у него память. Мы снова оба покраснели и чуть не лопнули, когда в дверь неожиданно позвонили.

Трееееень!

И еще раз, куда настойчивей и требовательнее. Трееееееееееееееееень!

Тот, кто нас разбудил и о ком мы благополучно забыли в пылу «знакомства», как оказалось, и не думал никуда уходить.

В квартире стало так тихо, что даже из-за входной бронированной двери совершенно отчетливо донесся мужской голос:

– Артем, немедленно открывай! Мы знаем, что ты дома! Сын, хватит валять дурака! Ждем еще минуту и заходим – ключи у нас есть! Если ты думаешь, что я намерен простить тебе вчерашнюю выходку, то глубоко ошибаешься!

Ключи? Есть? У кого?

О-о-ой! – волосы на затылке зашевелились. Родители! А

я с подушкой и в труселях прямо из постели их возмущенного чада! Вновь стало так страшно, что хоть чечетку зубами отстукивай! И, судя по всему, не только мне. Потому что Сокольский вдруг оказался рядом и прошипел сквозь зубы:

– Вот черт! Кажется, отец со своей гримзой приехал!

И как был нагишом в одеяле, так и потопал открывать. А я завертелась на месте, не зная, куда бежать и за что хвататься. Ну все, Фанька, дело твое труба! Если Сокол сейчас обо всем расскажет родителям – не помогут и слезы, точно в участок за разбой загребут! Попробуй потом доказать, что ты не верблюд, а просто поспать зашла.

Взгляд упал на циферблат настенных часов, и вдруг отчаянно захотелось разреветься – половина девятого утра. Все, на лекцию к Баталову опоздала! Еще один пропуск, и прощай стипендия вместе с мечтой о красном дипломе! Привет пересдаче и хвостам! Нет, ну до чего же все-таки обидно!

Замок в двери щелкнул, в прихожей послышались голоса, и я свалилась на пол, впопыхах натягивая джинсы. Вскочив на ноги, схватила свитер, продела руки в рукава, толкнулась макушкой внутрь...

– Ну, здравствуйте, девушка!

Да так и застыла, как всадник без головы, с растопыренными, как у огородного пугала, руками, услышав обращенный ко мне строгий голос.

– Так значит, это из-за вас Артем вчера не приехал на семейный праздник?

И так это было сказано, знаете, с обидой и укором, как будто я этому голосу алименты задолжала за двадцать лет.

Ой, а может, мне и дальше так постоять? Я могу. Что-то не очень хочется нос показывать.

– Э-э... нет, – я закачалась, поворачиваясь. Мой писк точно слышно? – Я тут ни при чем.

– А вот мне почему-то так не кажется. Вы хоть понимаете, дорогуша, как этот вечер для нас с Сусанночкой много значил?!

– Э-э, м-м... с кем?

– Вы что, издеваетесь? – ну вот, еще один сомневающийся в моих чистых помыслах выжить любой ценой. Только рычать-то зачем? Мне и сына его хватило. – Это же и дураку ясно, кто Артема сорвал и зачем, раз уж вы здесь! Впрочем, – мужчина выдохнул, успокаиваясь, – действительно, откуда вам знать. Сегодняшняя молодежь – сплошь поколение потребителей и эгоистов. Только собственными желаниями и живет!

– Ну-у... – Вообще-то с таким утверждением я была в корне не согласна. Не всякое проявление индивидуального мышления равно понятию и ярлыку «эгоист», даже если идет вразрез с чьим-то мнением. На то мы и индивидуумы, в конце концов, чтобы мыслить и принимать решения самостоятельно. Даже в силу возраста. И будь мы не в этой точке пространства и времени, я бы, скорее всего, попробовала возразить. (Это я уже молчу, как этому шишке возразил бы мой

папа!) Но сейчас меня терзали мысли куда более приземленные – показать голову или не показать? Высунуть из окопа или не высунуть? Интересно, какой отрезок этого самого времени нормальный человек может простоять в чужой гостиной телеграфным столбом со свитером на голове, прежде чем ему поставят диагноз?

Оказалось, полминуты.

– Мне кажется, девушка, что вы задержались в гостях и вам давно пора домой.

Ур-ра! Поставили! То есть – не повязали! Голова сама собой вынырнула из горловины, а руки оправили вещицу на талии. Я даже улыбнулась сердитому незнакомцу, вперившему в меня строгий взгляд, и бочком, бочком попрыгала к выходу.

– Ага! Пора! Ужас как пора! Вы даже не представляете, как меня заждались! Я только в туалет забегу и исчезну! Честно-честно! И вы больше никогда, совсем никогда, вообще никогда обо мне не услы...

– Куда? Стоять! – скомандовал шагнувший навстречу из коридора Сокол, и я даже моргнуть не успела, как вдруг оказалась прижатой сильной рукой к боку парня.

Ну все, сдаст. Как пить дать сдаст партизана с потрохами! От отчаяния тут же захотелось возмутиться, почему это он мной командует. Я даже рот открыла, приготовившись бороться за свободу до последнего вздоха, когда внезапно увидела молодую женщину, которая вошла в комнату, стуча

шпильками модных сапог. И следом за ней девушку примерно моих лет, вкатившую в спальню чемодан.

Я сказала чемодан? О, не-ет. Чемоданище!

Обе незнакомки оказались блондинками в модных шубках и, честное слово, я бы назвала их красотками, если бы не надменно поджатые губки и выражение лиц, словно им каждой в нос вставили пыж, смоченный в уксусе.

– Мама, где я буду жить? – спросило ломко-хнычущее создание, кокетливо улыбнувшись Соколу, и женщина обвела комнату победным взглядом.

– Конечно, в этой квартире, золотко. Где же еще? У нас не так много семейной жилплощади, чтобы рассматривать другие варианты.

– Я же сказал – нет! – вырвалось у парня, но дамочка тут же наставила на него палец.

– И никаких возражений, Артем! Илоночке нужна твоя помощь и внимание. Забота, в конце концов! Ничего, проживете вместе, дочь освоится с городом, а потом решим вопрос с отдельной квартирой. Я не говорю, что это надолго, дорогой! Максимум до Нового года! А пока ты как брат присмотришь за моей девочкой...

– Какой, к черту, брат, Сусанна! Мы чужие люди!

Ноздри дамочки затрепетали, уголки губ задергались. Ой-ей, кажется, сейчас будет потоп. Известный женский прием и до смешного прозрачный, так неужели до сих пор работает?

– Василий! Я не могу это слышать! Ну хоть ты сыну ска-

жи!

Хм, судя по тому, как решительно вскинулся Сокольский-старший, и как насупил густые брови – работает, да еще как.

– Артем! – снова рык. Неужели все мужчины думают, что если вот так вот, поднапрягшись в связках, порычать, то можно все решить? Странные создания. – Мы тебе вчера сообщили, что Илона решила учиться на курсах флористов и ей понадобится помощь. В скором времени мы станем одной семьей, и это крайне невежливо так поступать со своей сводной... с дочерью Сусанны, когда я иду тебе на любые уступки!

– Я уже ответил, пап, что нет. Мог и не сообщать!

Ого, какой Сокол серьезный. Я осторожно завозила под его рукой. Эй, он собирается меня отпускать или как? Мне вообще-то до ветру не мешало бы сходить.

– Поздно, сын! Илона «уже» приехала! Покажешь девочке город, сможешь освоиться, познакомишь с друзьями. Заодно и нам с Сусанной будет спокойнее. Все равно ты по весне на сборы уедешь, кому-то придется и за квартирой присмотреть.

– Пап, какая весна? Минуту назад речь шла о трех неделях.

Ага, шла. Я свидетель!

– Неважно.

– Нет, очень важно! Речь идет о моей территории...

Ну вот. Только рогов не хватает, сейчас бодаться начнут.

– О моей территории! Ты забываешься, сын! О моей! И если ты еще не понял, все равно будет так, как я сказал! Точка!

Ничего себе! Кажется, назревает настоящий скандал, а Фанька, как всегда, в эпицентре! Да что ж такое-то! К моему изумлению, обе блондинки радостно выдохнули. Зато Сокол вдруг не на шутку напыжился. Не удивительно. Если бы мне вот так же привезли жильца – я б еще и не так брыкалась!

– Нет вопросов, пап. Не нравится, как я живу – отлично! Мне самому надоело перед тобой отчет держать! Брошу универ и буду играть в футбол, как хотел. К черту все!

– Я тебе брошу! Я тебе так брошу! Никакого спорта без образования, понял?! Сначала диплом получи, а потом делай, что хочешь!

– Тогда не командуй, как мне жить, и не попрекай!

Мужчина вдруг схватился рукой за сердце и пошатнулся. С Сокольского разом слетела вся спесь.

– Пап?

– Вася?

– Василий Яковлевич? – проблеяла худой овечкой Илочка, вторя матери, и сразу стало понятно, чьи руки в этой семье моют золото.

Глава семейства, как настоящий кабальеро, соскочивший на ходу с лошади, устоял на своих двоих. Задрав подбородок, вскинул руку, успокаивая «толпу», и кажется мне, что эту

короткую сцену можно было бы отыграть лучше. Во всяком случае, как по мне, именно дрогнувший голос выдал дилетанта с головой.

– Все хорошо, сын. Отголоски сердечной болезни. Сейчас выпью воды и полегчает.

Что, серьезно? Никто кроме меня и не заметил? Кажется, нет. Сокольский, путаясь в одеяле и чертыхаясь, поскакал на кухню и тут же вернулся со стаканом воды. Так быстро слетал, что я даже моментом воспользоваться не успела.

Сусанна ласково погладила локоток мужчины и сердито взглянула на парня. Впрочем, ее взгляд удивительным образом смягчился, когда Илоночку внезапно пробрал кашель. Вот только обратилась она не к дочери.

– Артемушка, дорогой, ну к чему эти разногласия и нерво-трепка в кругу любящей семьи? Неужели мы не можем сесть и договориться, как нормальные люди? Давай-ка, выпроводи поскорей свою гостью, и спокойно все обсудим. Девушка, – карие глазки сверкнули острым нетерпением, – до свидания! Кажется, вам ясно сказали, что вы здесь задержались!

Вот он – мой звездный час! Момент работника массовки, во избежание конфликта с прямой труппы, красиво уйти со сцены и раствориться в безызвестности, не затеняя свет софитов, падающих на ее протезе. Меня больше никто не держал, и я, рада стараться, попятилась из комнаты.

– Ага, сказали. Так я пошла?

– Идите-идите, – отвесила поклон Сусанночка, – и сде-

лайте одолжение, милочка, – не возвращайтесь!

Как грубо. Вот прямо обидеться захотелось. А впрочем – не мне с этой гримзой жить!

– До свиданья... – я развернулась на коротком разбеге, нацелившись на выход, но меня, как куропатку на лету, срезали крепкие руки Сокола.

– Стоять! – прошипел парень в ухо, и я даже покраснела от такого неожиданного внимания, хватая ртом воздух. Сильный какой! И чего он ко мне все время обниматься лезет? Вот снова ухватил за талию и притянул к себе, разворачивая лицом к родителям.

Ну все, решил сдать, зараза! Все шишки сбросить на меня! Ябеда! Прости Лешка, прости мама, я сделала все, что могла.

– Ты куда, Пыжик? А познакомиться? И нечего стесняться! Сейчас всем признаемся, и дело с концом! Ты же этого момента три месяца ждала!

И если бы, паразит, не ткнул меня кулаком в ягодицу, я бы даже не сообразила, что это он мне.

– Кто? Й-я?!

– Ты! Пела – познакомь да познакомь. Хочу как можно скорее влиться в твою дружную семью. Ну вот они, мои родственники. Золотые люди, как видишь! Особенно Сусанночка, – парень белозубо оскалился будущей мачехе, – юмористка! Не возвращайтесь! Очень смешно! В общем так, пап, тут такое дело, – вновь напустил на лицо серьезность, выставляя

меня вперед. – Вот это – моя девушка...

А? Чего?

– И мы решили жить вместе!

Ик. Ик. Ик, ик, ик... Я оттопала назад.

Женщина нахмурилась, я заморгала. Рука Сокольского крепче сдавила талию. Да, парню не позавидуешь. Держится так, словно вот-вот рухнет на дно. Только я-то тут при чем? Совсем офигел, что ли? Да меня сейчас эта Сусанночка с доченькой пилочками для маникюра исполосуют!

Я расцепила край губ и попыталась изобразить чревоущителя.

– Ты что, Сокольский, лбом в дуб въехал? С ума сошел! Ты что несешь?!

Но получилось только промычать: «мумымумы». Очень явно промычать – все трое родственничков тут же уставились на меня и переглянулись. Не удивительно, даже я засомневалась в своей адекватности.

Стало так обидно, что немедленно захотелось Сокольского стукнуть! Ткнуть кулаком пониже спины, совсем как он, правда, с размаху. Но впечатать кулак мешало обмотанное вокруг бедер одеяло и хмурые взгляды, поэтому парня пришлось как следует ущипнуть. Кто ж знал, что в этом месте одеяло сползет и мой чудо-щипок придется на голую задницу! Ну все, теперь точно со свету сживет!

На лице Сокольского не дрогнул ни один мускул. Вот это выдержка! Кубик-Рубик бы уже орал как резаный! У меня

даже колени подогнулись от уважения. Пришлось проблеять совсем как Илоночка – тоненько и противно. Исключительно в виде извинения.

– З-з-здрасти!

– Сусанна, дорогая, – улыбнулся Сокол, – как видишь, есть небольшая проблема. Не можем мы жить втроем, когда у нас тут любовь-морковь. Придется вам с отцом подыскать для Илоны другую квартиру.

Рано радовались. Акула, она и есть акула, даже если живет на суше. Скрипнув зубами, Сусанночка улыбнулась Сокольскому-старшему, нахмутившему лоб от признаний сына, и повисла на мужском локте.

– Глупости! – легко отмахнулась от слов парня. – Знаем мы, какая у тебя любовь! Сегодня одна девочка, завтра другая. Все помним! А Илоночке учиться нужно, в большом городе друзей заводить. Ну же, Артемушка, – пропела лисой, – неужели откажешь своей сестре?

– Нет, – упрямо сглотнул Сокол. Заиграл важно желваками. – На этот раз все по-другому. У меня тут любовь случилась, можно сказать, всей жизни! Да я вообще впервые так влюбился! Люблю Пыжика не могу! Даже ночами снится! Вот как только встретились – так никого вокруг не замечаю. Только ее! Еле упросил переехать ко мне, так что учтите – у нас все по-серьезному!

И похлопал меня ладонью по плечу. Надо понимать – вроде как приголубил.

М-да. Станиславский отдыхает. Артисты! Интересно, когда закончится первый акт, можно будет уже сбегать в уборную?

– Пожалей дочь, Сусанна. Зачем ей слушать наши... ну, ты сама понимаешь, что. И так соседи каждую ночь в батарею стучат.

Женщина поняла, а вот я не очень. На всякий пожарный с подозрением покосилась на парня – это чем он тут ночью занимается?

– Да и Пыжик у меня стеснительная, не хочу ее напрягать. А ревнивая какая – тигрица! Мне, конечно, льстит, но боюсь за Илоночку.

Че-го?!

– Кхе-кхе! – ну вот, кажется, и папаня отмер. Да уж, влюбленный сын – это вам не шутки! Можно и дар речи потерять. Посмотрел на меня как-то уж слишком критически, оценивая с ног до головы.

Ну да, не очень, согласна. На тигрицу не тяну, максимум на выдру. Так я же после работы и без марафету! Подумаешь, бублик растрепался и на затылок сполз. Да любовь вообще слепа! Пусть скажут спасибо, что не выхухоль! Так что я на всякий случай плечики-то развернула и подбородок вскинула. Чижик, знаете ли, тоже птица!

– Пыжик, значит? – ах, да. Я и забыла, что у кого-то проблемы с памятью. Мужчина снова недовольно откашлялся. – А имя, Артем, у твоей пассии есть?

И вот тут пулемет Чапаева заклинило.

Я почувствовала, как рука Сокола вновь легла на талию и напряглась. Тоже мне артист. Ну и сымпровизировал бы уже что-нибудь. Все равно ведь они меня больше не увидят.

– А что? – снова упрямое. – Это так важно?

Блиин! Захотелось закатить глаза. Ну конечно, важно! Ну и дурындище! Сам же говорил любовь! А теперь проколется на сущей ерунде!

– Значит, нам твою девушку тоже прикажешь Пыжиком называть? Как шапку?

– Да, – подключилась Сусанночка, – какое-то совершенно глупое прозвище!

Так, Фаня, кажется, пора отрабатывать ночлег и спасти Сокольского. А то вон уже и Илоночка захихикала. Без меня ему против трех акул никак не выстоять.

– Ну-у...

– Анфиса я! – даже руку удалось протянуть мужчине уверенно и улыбнуться на все тридцать два. – Приятно познакомиться!

Ага! Съела Сусанночка! Вот-вот, подергай кисло носиком вместе с дочуркой. Папа говорит, что улыбка у меня потрясающе-обаятельная, и я ему верю.

– Можно Фаня. Вы знаете, мы как-то привыкли с Артемом к уменьшительно-ласкательным прозвищам. Ну там пусик мой, мусик, – я повернула голову и потрепала Сокола за щеку. – Вот он и растерялся. Правда, пусик?

Парень сглотнул слюну, но ответил, скрипнув зубами:
– Конечно... мусик.

Главное, не раскололся, и то хлеб. А в догонялки мы после поиграем. Я так бегаю, что просто у-ух!

Кстати, о хлебе. Только я вошла в роль и собралась по-культурному слинять: «Прощай, любимый, дела зовут! Привет учеба и институт!», как вдруг Сокольский-старший откашлялся, виновато взглянул на повесившую нос Сусанночку, развел руками...

– Ну, девочки, я не виноват. Против личной жизни не попрешь!

И сказал, почему-то глядя на меня:

– Надеюсь, сын, ты нас хоть чаем напоишь с дороги? Все же не чужие мы люди. Или так и будем стоять? Тебе, кажется, вскорости на учебу надо, нет? Нам вот с Сусанной точно дел прибавилось...

Вообще-то да, еще как надо! Но мужчина был прав. Выпроводить гостей, просто развернув их на пороге, не очень-то вежливо. Особенно, если гость – твой папа. Да и Илоночка стоять не хотела, она хотела здесь жить, и сейчас, держась за чемодан, едва сдерживала слезы досады, взглядом прожигая во мне дыру.

– Э-э, конечно, – просипел Сокол как-то не очень уверенно и тоже воззрился на меня.

Эй, я не поняла. А при чем тут, собственно, Фаня? Кто хозяин в доме?

Папа довольно почесал руки.

– Анфиса, сделай нам всем горяченького. Кх-м, пожалуйста. А мы тут пока с Артемом поговорим, – а у самого лицо такое светлое, невинное, вроде это не он придумал способ сплавить меня с глаз долой.

Ладно. Все равно в туалет невтерпеж, так хоть уйду красиво! Хм, может быть, даже сбежать получится...

– Пыжик, не дури там! Мне с сахаром!

Ыы. Трус! Взятся же на мою голову! Я обреченно потопала выполнять задание.

Коридор. Туалет – о, да! Кухня.

Шкафы. Холодильник. Полки. Вермишель быстрого приготовления. Чипсы. Полбутылки кока-колы. Соль. Горчица. Кетчуп. Снова вермишель – запас на неделю. Пакетик из-под соленых креветок. Быстрорастворимый суп. Сухой попкорн для микроволновки... Да он что, издевается?! С сахаром ему, правда?! Я же даже чай найти не могу!

Заглянула в холодильник... И тут мышь от тоски повесилась! Нет, ну я так не играю! Так и вижу, как Сусанночка с дочуркой хохочут, глядя на мою красную от стыда рожицу.

А может, им с кока-колой вермишель предложить погрызть? А что, Сокольский вон лопает, и ничего!

Я пошла шелестеть по ящикам. М-да, красивая у Сокола кухня, просторная, и мебель дорогая, только вот толку мало. Так и захотелось запустить сюда своих четырехлетних сестричек с фломастерами и жуткой тягой к прекрасному. Ой,

кажется, чайник просвистел. Уже? Вот засада!

Есть! Нашла чай! И сахар! Ур-ра! Убью Сокольского – дурындище быстрокрылое! Ну кто же чай на подоконник ставит! Да еще за штору! Но настроение заметно поднялось. Еще больше поднялось, когда, хихикая, всыпала хозяину две ложки сахара... и, подумав, добавила еще шесть. А чтобы у него во всех местах слиплось! Тогда точно не догонит! А еще... Эврика! У меня же бутерброды есть! Правда, только два, зато от мысли, что с красной икрой – прямо полегчало. А пусть гости думают, что здесь каждое утро так завтракают!

Вот же я хозяйка, оборжаться! Осталось только бутерброды разрезать на части, чтобы Илоночка не объелась, и можно считать, что мы с Соколом в расчете!

Я расставила на столе исходящие паром чашки и прислушалась к голосам в комнате.

Рык-рык. Писк Илоночки. Рык-рык. Эмоционально высокое Сусанны. Рык-рык – сердитое мужчины и резкое Сокола. Ой, снова Илоночка. Интересно, отстоит Сокол у папы территорию или нет? Может, пока мне шею не намылили со всем этим нечаянным маскарадом, лучше самой все слопать и слинять?

Поздно.

Сокольский мои старания оценил, вновь превратившись в Сокола пучеглазого, а вот девочки его папы – не очень. Так и косились на нас недружелюбно, вытаскивая из квартиры чемодан.

Отстоял, значит.

– Ну я пойду? – За гостями закрылась входная дверь, и мы с Артемом остались вдвоем в прихожей. Отыскав глазами свои вещи, я потянулась рукой за шапкой. Неужели можно выдохнуть? Ну и утречко!

– Стоять.

– Что, опять? – удивилась, поворачиваясь к парню. – Чего это? Грымза же ушла.

– Как ушла, так и вернется, – ответил заметно помрачневший Сокольский. – Эта фурия легко позиций не сдает. Она знает, что я не завязываю длительных отношений, так что наверняка отца спровадит и заявится сегодня же вечером со своей дочуркой. Налаживать контакт.

– А эта Илона что, и правда без пяти минут твоя сводная?

– Не знаю. Отец уже год с Сусанной шашни крутит, но до вчерашнего дня жениться не спешил. Я новость по дороге к городу узнал, потому и вернулся. Навестить хотел. Денег у отца хватает, а решимости и здоровья не очень. Запросто может в любой момент передумать, вот Сусанна и старается закрепить позиции, чтобы наверняка.

– Ясно. А я-то тут при чем?

– А при том, что я тебя к себе в гости не звал!

– Так я же объясни...

– Рот закрой!

– Слышь, ты! – я так возмутилась, просто жуть! Я ему тут бутерброды, понимаешь ли, от сердца отрываю, чай завари-

ваю, а он! Не хватало еще, чтобы всякие парнокопытные мне рот затыкали. – Совсем опупел?!

– Да помолчи ты! – оборвал меня парень. – Мне твоя помощь нужна. Только при условии, что ты не хитростью сюда пробралась, чтобы со мной встретиться.

– Чего?

– Ну, может, придумала себе всякие бредни девчачьи про любовь с первого взгляда, подружек наслушалась. Думаешь, ты одна такая? Я не встречаюсь, поняла? Ни с кем. Я только сплю. Хочешь со мной переспать?

И чего это рожа сделалась такая мерзкая? Ты смотри, и про вкусы забыл.

– Да иди ты! – я вмиг нахохлилась. – Индюк! Лесом-полем! Нужен ты мне триста лет и три года! Три дня, три минуты и три секунды! Чихать я на тебя хотела, понял!

Меня, конечно, занесло, но он тоже неправ. Видимо, мое лицо досказало все лучше всяких слов, потому что Сокольский, кажется, поверил. Тоже мне прЫнц! Да я б с таким вообще под один куст не присела, ну, вы понимаете...

Точно поверил. Снова стал хмурым и злым. А я упрямо натянула шапку.

– Да, понял я, понял, Пыжик, не кипятись.

– И я не пыжик, а Чижик! И ничего я не кипячусь. Даже не начинала!

На кухню Сокольский притопал вслед за гостями, оставшись в спальне, чтобы одеться, и сейчас стоял передо мной в

футболке и спортивках, сунув руки в карманы брюк. Взъерошенный и самоуверенный, как всегда.

Мы уставились друг на друга.

– Все, успокоилась? – серые глаза университетской знаменитости прищурились. – Готова слушать?

– Можно подумать, тебе есть что предложить, – буркнула сердито.

Парень ухмыльнулся.

– Может, и есть, если вопить перестанешь.

– Слушаю.

– Ты сказала – тебе жить негде. Это так?

Запомнил же. Я неохотно пожала плечами.

– Ну негде. До Нового года точно, иначе бы не оказалась здесь. А что?

– А то! Предлагаю заключить сделку. Взаимовыгодную. Боевое крещение мы прошли, я больше чем уверен, что у нас все получится.

Я смерила Сокольского недоверчивым взглядом.

– Сделку? – удивилась, подозревая подвох. – С тобой? Что-то не хочется.

Фыркнув, наклонилась, собираясь надеть сапоги, но парень продолжал выжидающе смотреть, и я не выдержала:

– Сокольский, ты серьезно, что ли?

– Серьезней некуда, Чижик. Ты мне подходишь. Я предлагаю тебе жилье в обмен на роль моей девушки. Маскарад, естественно, рассчитан исключительно на членов семьи. Ты

живешь у меня, но не со мной – есть разница. Если улавливаешь, о чем я, и предложение тебя устраивает, можем попробовать договориться.

И главное, на самом деле серьезный такой, на лице нет и следа шутки.

Я замерла, держа нос по ветру. Неужели моим бедам пришел конец? Ведь это выход! До Нового года рукой подать, а там и на общежитие, если что, соглашусь! А что касается Сокола, так он тоже чихать на меня хотел, не слепая, опасаться нечего. Видела я, какие девчонки вокруг него выются, куда там Илоночке!

– Только учти, Сокольский, мне учиться надо. А еще приходиться во сколько захочу, иметь доступ к ванной комнате и спать желательно в тишине.

– Как насчет того, чтобы мыть посуду, убирать квартиру и выносить мусор. Идет?

– Ну... – улыбка сама собой расцвела на губах. Вот это подфартило! Да что тут убирать-то! Это он комнату моего брата не видел! – Идет!

– Тогда по рукам, Чижик? Обещаю запомнить фамилию.

– По рукам! – Мы ударили в ладони и скрепили уговор рукопожатием.

Глядя на мою улыбку, Сокол снова помрачнел.

– Надеюсь, я выдержу три недели соседства с тобой.

– И я.

– Только смотри, в университете за мной не бегай, поня-

ла? И не напридумай там себе всякого разного, а то я вас, девчонок, знаю.

– Чего?

– У меня своя жизнь, у тебя своя. Никакой романтики, чисто деловой подход. Как только Сусанна с будущей сводной отвалит – разведемся.

– Пффф! Раздулся! Смотри не лопни, птичка! – улыбка стала только шире. Настроение решительным образом ползло вверх. – Очень мне надо бегать за индюками. Это ты не забудь, что уговор – Новый год! Я не собираюсь остаться на улице, если тебе вдруг приспичит передумать. Зато, так и быть, обещаю при необходимости полностью вжиться в роль!

– И чтобы в университете держала язык за зубами! Никто про нас знать не должен! Не люблю сплетен.

– Да ты что! – искренне изумилась. Уляшку я в расчет не брала. Все равно Лешка проговорится. – Не хватало ужаса!

– Почему это ужаса? – подозрительно набычился Сокольский. Ну еще бы! Такой прынц, а тут пастушки не восхищаются. – Да многие были бы счастливы оказаться на твоём месте!

– Ага, и Илоночка первая. Пожалуйста! Я не гордая, могу местечко и уступить.

– Так, Чижик, едрить твою! – рука парня крепче сжала ладонь. – Ты уже согласилась! Только попробуй отказаться – прямо сейчас за ноги к дивану привяжу, поняла?

Теперь настала моя очередь подозрительно хмурить бро-

ви. Я даже отодвинулась на всякий случай подальше и руку отобрала. Ну все, поручкались, хватит.

– Ты что, Сокольский, «Пятьдесят оттенков серого» пересмотрел? Может, у тебя под этим самым диваном и ремни-веревки имеются, а я к тебе жить собралась? Не-ет, я на такое не согласная.

Лицо Сокола побелело, а ноздри раздулись. Ну все, сейчас передумает. Дошутилась! До чего же эти самоуверенные красавчики предсказуемы. Их вывести из себя раз плюнуть!

– Чижик, еще одно слово, и, клянусь богом, отберу ключи.

Ну вот, говорю же...

– Да молчу я, молчу! Шуток не понимаешь, что ли? – показала плечами. – Нужен ты мне триста лет. Не скажу никому, не бойся! И личной жизни мешать не стану. Только будь человеком, Сокольский, предупреди, если что, – надев сапоги, потянулась за пуховиком. Повязала на шею шарф – не люблю мерзнуть. – Я же по вечерам работаю, так что они, эти самые вечера, в твоём распоряжении. Если что, я и погулять могу. Недолго! – посчитала нужным уточнить, все-таки зима на дворе. – Мне еще к сессии готовиться нужно. Не всем оценки за красивые глазки ставят, как некоторым.

Ну вот, шуток не понимает, а прямой намек пропустил. Завидую логике!

– Значит, договорились?

– Договорились.

– Диктуй телефон, Чижик, на всякий пожарный. И еще.

По утрам подвозить в универ не стану, сразу говорю – не мечтай!

– Да подумаешь! На своих двоих доберусь! Так я пошла?

– Иди.

И дверью за спиной хлоп, замком щелк, и как-то непонятно стало в холодном подъезде, серьезный разговор у нас был или нет?

Ладно, Фанька, хватит предаваться печали. Самое страшное позади! Топай в университет, а новый день покажет, как быть.

Но только спустилась вниз, прошмыгнула зайцем под окном Мюллера Петровны и остановилась у торца дома, чтобы включить телефон и отзвониться Ульяшке – мол, жива, подруга, все дела, – понадеявшись на те самые два процента заряда батареи, что имеют обыкновение чудесным образом материализоваться за ночь, как оживший телефон тут же отозвался входящим звонком.

– С-сокольский? – неужели передумал?

– Забыл сказать, Чиж. Кажется, ты не заметила. Квартира у меня однокомнатная, так что учти – я сплю в своей кровати, а ты – на полу. И это не обсуждается!

Все. Отбой.

– К-как однокомнатная? Почему однокомнатная? Подожди, а как же... – но конечно, Сокольский уже повесил трубку, а следом и экран телефона потух, на этот раз окончательно и бесповоротно затих в руке.

Вот же га-ад. То есть гадство. Настоящая засада! Ведь и правда не заметила. Бегать-то я по квартире бегала, так это ж прицельно и без намерения рассмотреть чужую жилплощадь на предмет возможного проживания. Но не успела я повесить нос, как вдруг вспомнила про уютный диванчик на кухне в квартире парня – тот самый, что вроде как уголок. Маленький, конечно, и наверняка не раскладной, но при желании на нем вполне можно уместиться и переночевать – не такая уж я и большая. Да и вообще, чего это тут раскисла, как прошлогодний снег? Сокольский мне сам позвонил? Сам. Не передумал? Нет. Значит, у меня в этом дне есть крыша над головой, лучшая в мире подруга, любимый университет и даже работа! Ого! Да жизнь, е-мое, вообще хороша!

Ой, автобус! Кажется, мой! Точно мой!

– Э-э-эй! Стойте! – Я сунула сумку под мышку и припустила к остановке. С разбегу получилось лихо запрыгнуть на ступеньку. Вот же я везучая! Юркнула в полупустой салон и села себе королевой на высокое сиденье у окошка. На ум тут же пришла старая песенка Утесова, разыгранная когда-то в детстве на школьном утреннике: «Все хорошо, прекрасная маркиза. Все хорошо, как никогда... Праля-ля-ля...»

Ее и пела всю дорогу к университету. Ну а что, сколько можно предаваться печали? Вон, даже солнышко из-за туч выглянуло – поддержать нужный градус настроения. Осталось только голодного червячка в буфете чаем с булочкой заморить, придушить пирожком с капустой, и можно смело

смотреть в будущее!

Все хорошо, прекрасная маркиза,
Дела идут, и жизнь легка.
Ни одного печального сюрприза,
За исключением пустяка...

Очередным пустяком оказалось мое опоздание на вторую пару. Хорошо, что лекцию по теневой экономике по замене вел молодой аспирант – Даниил Александрович, и получилось, извинившись, виновато похлопав парню глазками, по стеночке, по стеночке протопать на предпоследний ряд к Ульяшке. И затаиться там с подружкой до перемены за широкими спинами согруппников.

Конечно, я Ульянке все рассказала! Ну еще бы! Да меня бы просто разорвало, если бы не вспомнила обо всех своих приключениях накануне вечером и главном гвозде программы – чемодане Илоночки! Сокол может хотеть что угодно, хоть десять раз мечтать о несбыточном, но на лучшую подругу запреты парнокопытных не распространяются! В итоге мы с Ульяшкой сначала поохали, потом поахали, а потом закончилась пара, и мы смогли от души поржать.

Да, так и есть, нарочно не придумать!

– Фанька, ну ты даешь! Правда, что ли, ущипнула самого Сокола за зад, и тебе за это ничего не было? Да он на прошлой неделе драку в холле устроил только потому, что кто-то из парней с параллели в его сторону кривое слово вякнул.

И преподавателей не постеснялся, Лешка рассказывал. Насилу с друзьями разняли. Сокол же вспыхивает как спичка, а тут фирменный щипок с оттяжкой!

Ульяна округлила глаза. Мы сидели в буфете, пили чай, жевали пирожки и давились от смеха.

– Не поверишь, я так испугалась – просто жуть! Думала, он меня в полицию сдаст. Но Сокольский сам виноват, кто его за язык дергал? Навешал папе с мачехой лапши на уши, а мне молчать? Пусть скажет спасибо, что я в тот момент говорить разучилась от испуга. Чувствовала себя как пойманный за ухо партизан на допросе в Генштабе противника. Да это вообще была самооборона!

Подруга хохотнула, вздохнула, и наконец Грустно посмотрела темным взглядом.

– Ой, Фань, ты же понимаешь, что Лешка хотел как лучше. Кто же знал, что Сокол вернется? А теперь все перевернулось с ног на голову, и тебе с ним жить. А вдруг у Артема характер еще хуже, чем говорят? Он же местная знаменитость, а университетские любимчики все с прибабахом, сама знаешь. Здесь моего братца слушать нельзя, у него круче Сокола только собственное хозяйство и горы Кавказа. Что будешь делать, если вдруг распустит руки?

Я улыбнулась и откусила пирожок с капустой – сегодня он был намного вкуснее, чем вчера, да и чай казался слаще.

– Не распустит, Ульяш. Хотел бы распустить, мне бы еще утром на орехи досталось – как-никак в его дом проникла!

И маленькая поправочка, Ким. Не с Соколом жить, а у него – есть разница. Если я ее улавливаю, а я улавливаю, поверь, то он обещал, что у нас все получится. Чихать мы друг на друга хотели – лучше и не придумать! Чисто деловой подход на случай захвата территории с красной кнопкой «Вкл/Выкл». Три недели продержимся, а там наверняка придумаю, как быть с комнатой. И еще, знаешь что, Уль?

– Что, Чижик?

– Сокольский, конечно, тот еще выпендрожник, но, если честно, не показался мне таким уж психом, как о нем говорят. Во всяком случае, когда его папа вздумал изобразить приступ, парень на самом деле испугался, я видела. Да и с будущей мачехой мог бы быть куда резче, а он церемонился, не хотел отца обижать.

Ульяшка улыбнулась. Опустив локти на стол, наклонилась ближе.

– Представляешь, Фанька, что было бы, узнай наши девчонки, во что ты ввязалась? Что за история с тобой приключилась ночью. Точно бы решили, что между вами любовь-морковь, а никакая не сделка!

Мне даже поплохело от такой мысли. Чур меня!

– Скорее, как Сокол, поверили бы тому, что я специально все подстроила. Ульяш, ты с ума сошла?! Поплюй через плечо! Хочешь моей смерти? Меня бы затоптали на этом месте, как мамонты Бэмби на тропе к водопою, и рожек бы не осталось. Ну уж нет, и даром мне такого счастья не надо! Виде-

ла бы ты, с какой тягой к прекрасному у Сокола в подъезде расписаны его именем стены – брррр. Как будто это он в «Сумерках» снимался, а вовсе не Роберт Паттисон. Прямо стена славы! Нет, мне моя шевелюра еще дорога, и внешность серой мышки вполне устраивает. Так что лучше и правда никому ничего не знать, здесь я с Артемом согласна. И не прижимай ты голову к столу, Ким, как первоклашка-заговорщица! Просто не обращай внимания, и все!

– Так Сокол же вошел, Фань! – шепотом. – Вон, с Лешкой топают к буфету!

– Вижу, и что? – я продолжила как ни в чем не бывало пить чай.

– А вдруг подойдет? Вдруг догадается, что ты мне все рассказала? Что тогда?

– Ульяш, ну ты смешная, – я даже хрюкнула в чашку. – Он и так догадается, если не дурак. Так что расслабься и не паникуй. Речь шла о глобальном, о стратегическом, понимаешь, а вовсе не о нас с тобой.

– М-м, – подружка мечтательно сощурила глазки и подперла ладонью щеку, глядя на Сокольского. – Хорошенький какой! Особенно та часть, что пониже спины, – подмигнула со смыслом. – Да и плечи классные. Бывают же парни, правда, Фань?

Она вдруг встrepенулась и покраснела. Откусив пирожок, засопела в чашку. А я догадалась, что в буфет вошел Мальвин. Ну и что ты будешь с подружкой делать? Каждый раз

одно и то же. Так и сомлеет однажды, реши он с ней заговорить.

Коротко обернувшись, я окинула парня мрачным взглядом.

– Бывают, Уль. И некоторым дурочкам на таких даже везет. Не хочу, чтобы ты ошиблась. Ну его, вместе с его модной челкой!

Слава богу, Мартынов не задержался у столиков с девочками и протопал вслед за друзьями к прилавку, вернув Ульянке дыхание. Она вдруг спросила, уставившись на брата:

– Ой, Фань, смотри-ка! Кажется, у Лешки под глазом фингал! А еще утром ничего не было! Думаешь, это ему Сокольский, ну того... поставил?

Я важно кивнула.

– А тут и думать нечего – зуб даю, что он! Я б на месте Сокола Лешему за такой сюрприз, как я, вообще два глаза подсветила бы вместо одного, чтобы наверняка. Представляешь, если бы на моем месте оказалась действительно озабоченная девица? Из этой, как ее, группы поддержки, или что там у них есть в футболе? Или художница из подъезда? А вдруг бы несовершеннолетняя – у этих вообще с адреналином передоз, доказывай потом, что не верблюд. Кто поверит?

В общем, посидели мы так с Ульяшкой, пирожки сжевали, и утопали в соседний корпус слушать лекцию о современном

менеджменте. Учебный день получился сложным, бар у Тимура людным, и с работы я сбежала пораньше. Предстояло еще забрать часть сумок из гаража бабы Моти, найти такси и отвезти свое честно приобретенное добро к дому Сокольского. И вот тут, подъезжая к белым высоткам, я не на шутку разволновалась, настолько утреннее предложение вдруг стало походит на глупый розыгрыш, в котором Анфисе Чижик выпало принять участие от безысходности и который вот-вот грозил раскрыться, лопнув, как мыльный пузырь.

Я набрала на домофоне номер квартиры, не до конца понимая, на что надеюсь. Сокольского запросто могло не оказаться дома. Он мог передумать и найти еще с сотню веских причин посмеяться над бездомной Фанькой, но мы ударили по рукам, дверь подъезда щелкнула и отворилась.

Для разнообразия сегодня в парадном был свет, и лифт бодро скатился с верхних этажей.

Трееень!

– Чиж?

– Привет, – я неловко потопталась и пожалала плечами под серо-карим взглядом. – Я. Вот, пришла.

Сокол посмотрел на меня хмуро и долго, словно запоминая на пороге своей квартиры, и наконец обреченно сказал:

– Проходи, – после чего развернулся и ушел, оставив стоять перед открытой дверью.

Тоже мне хозяйин. Кто ж так гостей встречает-то, особенно сердцу дорогих? Хорошо, что чиж – птичка не гордая, сама

и дверь запрет, сама и поклажу втащит, и даже холодильник найдет сама.

Я отнесла сумки в комнату и выдохнула. Сокольский лежал на диване, пялился в плазму и даже головы не повернул в мою сторону.

– Эй, я вроде как тут жить собралась.

– Живи.

Я осмотрелась.

– Шкаф выделишь? Ну хоть полочку?

– Много хочешь. Знаю я вас – девчонок. Сначала полочку, затем шкаф, а потом – можно мне твою почку? Может, тебя сразу красной пастой в паспорт прописать? – и мордаха такая угрюмым кирпичом, даром что красивая.

Ясно. Не выделит. Но жить-то как-то надо. Я прошла к одному из двух кресел, и под взглядом парня уложила в него самые необходимые вещи. Прямо на пол у письменного стола опустила стопку учебников и рядом с ней приткнула стопочку поменьше – конспектов. Ничего, разберемся! И потопала на кухню. Созерцать этого остроклювого павлина совсем не хотелось, а вот есть – очень даже. То, что меня тут кормить никто не будет – в этом я не сомневалась, просто решила сразу пристроить к месту любимую чашку с ложкой, чтобы вернуться к ним с настроением. После чего налегке отправилась в ближайший магазин за покупками, да и вообще решила разведать на местности, пока хозяин бандерложничает, что тут по району да как.

Вернулась я через час, открыла дверь своим ключом, но в комнату заходить не стала – и так ясно, чем там хозяин занимается, – а сразу пошла на кухню.

Так, что у меня есть? Лоток яиц, молоко, триста грамм ветчины, горчичный батон, килограмм лука, подсолнечное масло, соль, сахар и два кило картошки. Масло сливочное. Кило гречки. Один апельсин. Если не неделю, то дней пять точно протяну. Надеюсь, Сокольский не будет против, если я займу часть его холодильника? Все равно ведь вхолостую холод гоняет. И хлебницу.

При мысли о горячей яичнице-глазунье – сытной, с луком и кусочками ветчины – тут же засосало под ложечкой. М-м-м, как же кушать-то хочется! Я же, считай, два дня без нормальной кормежки! Но под душ хотелось не меньше, и пришлось топтать на поклон к Соколу.

Вот сейчас возьму, расставлю все точки над *i*, и как заживу!

– Можно взять твою сковородку? Я есть хочу.

– Бери.

– Тарелку?

– Если найдешь.

– Чайник?

Пришла его очередь равнодушно пожать плечами.

– Угу.

– А...

Сокольский, не отворачивая мордахи от телевизора, гроз-

но наставил в мою сторону палец.

– Почку я тебе не отдам, не мечтай!

– Пфф! Очень надо!

– А что надо?

Ну вот, соизволил-таки взглянуть.

– Ты обещал, что смогу пользоваться твоей ванной комнатой. Не думай, что надоедаю, это я пытаюсь сообщить, что пришла сюда жить, и все серьезно.

– Вижу, не слепой.

– Так можно?

Судя по выражению лица – нет. Еще как нет! Но упрямо молчит, а мне большего и не надо. Развернувшись, довольная вернулась в кухню, выудила из шкафа кастрюльки-сковородки, и зашуршала, колдуя над ужином. Вот приготовлю, половину сейчас съем, а половину на утро оставлю. Что-то аппетит разыгрался просто жуть, наверное, потому что яичница вышла – объедение! Еще картошечка сварится, маслицем с молочком заправлю, и, м-м-м, можно будет подумать, где спать.

Приготовила. Заправила. Осталось птицей метнуться за полотенцем в комнату к сумке, кое-чего прихватить, и в душ! А уж пото-о-ом...

Ва-ау! Вот это ванная комната, я понимаю! Как в журналах о модных интерьерах – черно-белый кафель-мозаика, узкие зеркала. Мы с бабой Мотей такой роскоши и не видали! А как тут, интересно, все работает? И как, еще интереснее, я

с этим чудом под названием кран справилась в полной темноте, не наткнувшись лбом на дверцу душевой кабины?..

Ух, сколько тут у Сокольского всего интересного-то! Нос ткнулся в гели для душа, пальцы выхватили шампунь, судя по надписи на английском, для настоящих мужчин – но как же пахнет замечательно! Что-то я таких гелей в наших магазинах не видела, где он их берет? Может, в Интернете спецзаказом покупает? Ладно, не стану соблазняться, у Чижика, в конце концов, свое мыло имеется. Губы сами собой разъехались в улыбке – детское. Зато с облепихой! И детский розовый шампунь с веселыми пупсами на этикетке – для моих длинных волос самое то!

«Интересно, я когда-нибудь в этом отношении повзрелею? – подумала, вспенивая из густых волос башню на голове и подставляя спину горячим струям. – Матильда Иванна вон тоже все для юных и непорочных предпочитает. Даже питание. Хотя, судя по тому, как сильно мы обе любим персиковое пюре для карапузов и печеные яблоки – вряд ли».

Мылась я долго и с удовольствием, даже про еду забыла. Да, для девушки два дня без душа – хуже испытания уроком физкультуры. Окончательно вытершись, простирнула белье и развесила все аккуратно на полотенцесушитель, как можно приличнее. Ну а что, я же здесь теперь живу! Куда мне постирушку свою девать?

Надела спортивные штаны, футболку, любимые махровые носки, намотала на голове из полотенца крендебобель и по-

шла с улыбкой на лице ужинать. Еще раз порадовавшись, что все у меня определенно складывается со знаком плюс!

Ой, я что, забыла на кухне свет выключить? И что это за звуки раздаются такие странные, как будто Фредди Крюгер вдоль батареи когтями ведет?

Оказалось, что не Крюгер и не забыла. В кухне стоял Сокольский, обхватив кастрюльку, с ложкой в руке, и, старательно двигая челюстью, скреб этой самой ложкой о... о... о дно?! Я перевела взгляд на пустую сковороду. Рот сам собой открылся, да так и отвис, пока глаза наблюдали, как парень ест. А точнее, самым наглым образом доедает ужин. Мой ужин. Мой!

– М-м, как вкусно, Чижик. А ты шустрая. Вот это я проголодался, сам не ожидал!

Н-не ожидал?

Я притопала ближе и с другой стороны заглянула в посудину, где еще недавно была моя самая вкусная на свете толчёнка, а теперь голой лысиной блестело дно.

– Ты... Сокольский, ты что, все сожрал, что ли? Все-все?! – лицо поднялось, и мои полные изумления глаза нашли глаза Сокола – темные и бессовестно-наглые.

Парень натужно сглотнул и напрягся. Медленно отставил пустую кастрюлю на плиту.

– А что тут есть-то? – насупился. – Тут вообще было на один зуб.

– На один?! Это же был мой ужин и завтрак! Я два дня

нормально не ела. Ты что, совсем обалдел? Жадина!

– Это ты! Я тебе свою ванную уступил, а тебе яиц жалко? Я не виноват, что ты тут пришла и на весь дом распахлась!

– Я?!

– Ну хорошо, твоя еда!

– Вот именно, что моя! А теперь что я, по-твоему, есть должна? Кожуру от картошки?

Парень пожал плечами, пряча руки в карманы спортивных брюк. Бросил сквозь зубы, раздувая ноздри:

– Приготовь чего-нибудь. Откуда я знаю! Это же ты пакет из магазина притащила!

М-да, очень по-мужски, ничего не скажешь!

Я почувствовала, как у меня задрожал подбородок и выступили слезы.

– Сокольский, ты, наверно, думаешь, что я горы деньжищ зарабатываю, да? Да я сегодня на такси недельную зарплату спустила. На продукты – еще одну, а мне на дорогу в университет надо, и вообще как-то жить. Но дело даже не в этом. Дело в том, хотя ты этого, скорее всего, и не поймешь, что я просто хотела есть! И ты мог бы мне хоть половину оставить! Единоличник!

Кажется, щеки Сокольского порозовели.

– Да ладно тебе, Чиж, оно как-то само съелось. Не реви. Возьми вон мою вермишель. Хм, если хочешь.

– Не хочу. Сам ешь свою гадость.

– Почему это гадость? – Сокол искренне удивился. – Там

даже со вкусом ветчины есть.

Вот теперь в жуткой обиде вздрогнули губы.

– Ветчины? Издеваешься?!

Я прошла к пакету с продуктами и достала пять картофелин. Вымыв сковороду, принялась их чистить над мойкой с намерением поджарить. Ничего, пусть вредно, но все равно наемся до отвала!

Парень не уходил, и слова вырвались сами:

– Только попробуй слопать! Пристукну!

Я хотела показать лишь кулак, честно, но случайно в руке оказался зажат ножичек для картошки, и получилось так угрожающе, что сама испугалась. Ой!

– Дура! Свалилась же на мою голову! – рявкнул Сокольский и утопал, громко хлопнув дверью ванной комнаты, а я вздохнула. Она самая и есть. Это ж надо было так вляпаться!

Картошка жарилась, душ за стеной шумел, и я почти успокоилась, присев на стул у стола. Подперев щеку кулаком, задумалась о бабе Моте и своей комнатушке в ее квартире, о том, как нам с ней было уютно и хорошо, когда на хозяина вдруг снизошло озарение. Я его даже обозвать про себя как следует всеми прозвищами не успела.

– Это еще что такое?! – раздалось рычание. – Что за пупсы, нафиг?.. Черт! Она и труселя свои здесь развесила?!

Я замерла. Труселя были синие в белый горох и такие, знаете, ну, после десяти стирок. Зато модель бикини, с красивой кружевной оторочкой. Вообще-то очень даже симпатич-

ные, так что с брезгливостью в голосе Сокол явно переборщил. Но не успела я испугаться за свое потрепанное добро, как оно уже прилетело мне в голову и повисло на макушке. Точнее, на крендебобеле.

– Чтобы я ЭТО в своей ванной комнате больше не видел, ясно?!

– А где же мне сушить белье? Мне, между прочим, не только ЭТО стирать надо, а кое-что еще!

Я так и обомлела, когда дверь снова отворилась и Сокол, весь в мыльной пене, высунулся из-за нее, сверкая широким плечом и крепким голым бедром. Еще чуть-чуть, и можно будет сказать, что я видела не только его упругий зад, но и перед. Вот не хотела, а женское начало тут же одобрительно ахнуло и затрепетало. Офигеть, ну и красавчик! Тьфу! – трезво возразило сознание. Ну и индюк!

– Что-о-о?! – рыкнул, отплевываясь от пены. – Ты хочешь сказать, Чиж, что я еще и лифчики твои отвратные созерцать должен?! Обойдешься!

Сказал и хлопнул дверью – я только успела глазами моргнуть.

– Почему это отвратные? – возмутилась в тишине. Встав со стула, протопала к двери и заявила погромче: – И ничего не отвратные! Не хуже, чем у твоих подружек!

Душ не включался, парень молчал, и я проговорила обиженно, зная, что он услышит:

– Знаешь, Сокольский, уйду я от тебя, наверно. Не протя-

нем мы три недели. Не смогу я заниматься на полу, питаться вермишелью и исчезать по твоему желанию вместе с вещами в никуда, как человек-невидимка. У меня тоже нужды и гордость есть. Можешь не верить, но это так.

Подбородок снова задрожал. Ведь плюну и уйду, а где ночевать буду?

Эх, Фанька-Фанька. Придется тебе таки топать на вокзал.

Задвижка на двери щелкнула, и показалось угрюмое лицо Сокола.

– А если я тебе почку отдам, еще раз такую же яичницу приготовишь?

– Сдалась мне твоя почка.

– А как насчет полки? Под вещи в шкафу?

Это предложение было уже куда интереснее, и я, утерев нос мокрыми труселями, всхлипнула:

– Годится.

Ой, кажется, картошка горит!

Подушки у Сокольского оказались просто огромные. Мягкие, пуховые, как у бабушки в деревне. Вообще-то спать на такой – одно удовольствие, недаром я утром в университет проспала. Покрутив по очереди обе в руке, парень нехотя протянул мне одну, – ага, видно, после яичницы совесть замучила. Но когда я притащила ее на диванчик в кухню, то поняла, что спать-то мне, собственно, и негде. Убрала подушку – место появилось улечься на бочок. Положила – ис-

чезло. Я обняла подушку и прижала к себе – спать хотелось ужасно, время пришло позднее, но расстаться с удобством не было никакой возможности. Хоть бери и правда на пол ложись. Ну что за невезуха!

Сзади слышались шаги.

– Чиж, не дури. Я тебя предупреждал, что спать в кухне паршиво. Мне-то все равно, а тебе мучение. Три недели точно не выдержишь. Ляжешь в комнате на матрас – хоть выспишься нормально, там ковер теплый. Друзья ночевали – не жаловались.

– Нет уж, – брякнула упрямо, – я лучше здесь.

– Ну как хочешь, – дернул плечом Сокол и ушел. Вернулся с пледом в руке – бросил на диванчик. Снова ушел. А я выключила свет и улеглась. Укрылась. Притихла.

Через пять минут сполз плед. Еще через десять – поползла вниз подушка. Нет, ну кто придумал кухонные диванчики кожей обивать? Я старательно все подтянула к себе, сгребла руками и перевернулась. Теперь съехала попа. Вновь подушка. Ааа! Зачем делать плед таким большим! Вывод: надо чем-то жертвовать. Но вот не сном же?!

Ай, к черту и плед, и подушку! Чихать я хотела на удобства! Люди в старину вообще в пещерах спали, и ничего! Главное, спали же!

Стало прохладно. И рука под головой затекла. А больше всего раздражает бухтение телевизора. Жаль, что у Сокольского не две комнаты. Э-эх, как бы я сейчас хотела попасть

к бабе Моте...

А Сусанночка-то с дочкой так и не пришли.

Тьфу! Вспомнится же на ночь глядя нечистая сила!

Проснулась я, сидя в обнимку с подушкой и упершись лбом в кухонный стол. Зубы от холода отстукивали громкую чечетку – все же декабрь на дворе, а я в тонкой футболке. Да и уснула с мокрой головой. Три часа ночи, вокруг тишина, а у меня сна ни в одном глазу – прекрасно! Один-ноль в пользу дивана! Ни за что больше на эту пыточную дыбу не влезу! Делать нечего, вспомнив о словах Сокольского, укуталась с головой в плед, схватила подушку и в полной темноте на цыпочках стала красться в комнату. Искать предложенный парнем надувной матрас, ага.

Шаг, еще шаг. Рукой по стеночке – мац-мац. Кажется, Сокол достал матрас с антресоли и оставил у кресла на полу, там я его и нашла. А вот насос к нему – нет! Зубы тут же закрипели от досады. Ну и дурындище ты, Фанька. Теперь полночи самостоятельно легкими дуть!

Делать нечего. Не снимая плед, расселась на полу по-турецки, отстучала чечетку от холода и приступила... Очень уж хотелось хоть пару часов нормально поспать!

Клац-клац! – зубами. Глубокий вдох и глухой выдох в матрас: а-фууу! Снова клац-клац-клац! И выдох: а-фууу-у-у... Подумаешь, ночь! Да люди ночью и не такими странными делами занимаются!

– Кто здесь?! – за спиной спросонья как-то уж слишком обеспокоенно выдохнул Сокольский. И так он это выдохнул – растерянно и с придыханием, ну чисто тебе наивный детсад, – что тут же захотелось побезобразничать. Благо опыт соседства с младшим братом имелся богатый. Ну я и сказала со всем раздражением невыспавшейся вредины. В полной темноте, низким скрипучим голосом замогильного Бугимена:

– Это я! Злой голодный Барабашка-а-а! Пришел забрать твою жи-и-изнь! – И посмеялась деревянно, как Буратино из глиняного кувшина: – А-ха-ха-ха! Открой тайну золотого ключика-а-а-а!

И зубами клац-клац!

Повисла пауза. Клянусь, длиной в минуту. Я даже сама испугалась – а вдруг я своей шуткой взяла и спровоцировала у Сокола остановку сердца? Вдруг за горой мышц оно у него хрупкое и трепетное, как у воробышка. Господи, меня же тогда точно отправят на Колыму! И вообще, кто из нас двоих, по слухам, неуравновешенный псих?

Парень завис. Потом осторожно вскинул голову. А потом... кубарем скатился с кровати и нашел мою шею.

– Анфиска, твою мать, убью!

Кхе-кхе-кхе-е-е!

– А что я-то? Я тут сию никого не трогаю, матрас надуваю – сам предложил! А ты меня пугаешь из-за спины! Кто здесь, кто здесь! Как кукушка-дрыстухка!

– Я пугаю?!

– Ты! – в таких случаях главное держать лицо, даже если дышать нечем. – И так же понятно, что я! Или ты и вправду подумал – Барабашка?

– Чиж-ж...

И не успела я возмутиться, что этот боров навалился на меня (точно ведь без штанов!), как он уже хватить матрас в руки и давай дуть!

– А...

– Рот закрой!

– А...

– Кляп вставлю!

А! Ыыы! Пф-ф!

– Ну и пожалуйте!

Спать легли молча. Посопели в унисон драконами в нос и отвернулись каждый к своей стене, только одеяла хлопнули.

Прелесть! Раздолье! А плед-то вовсе и не большой! Подушечка-а-а... Интересно, когда мы с Сокольским разъедемся, получится ли у меня выменять ее на какой-нибудь важный орган тела? Например, аппендикс? А может и правда забрать у Сокольского почку, а потом так бац: вот вам наше великодушное за подушечку! – и вернуть!

Ум-м-м...

Утром, проснувшись, прошмыгнула в туалет, в ванную, затем на кухню. Задержалась там немного – с утра все показалось неожиданно уютным и знакомым, даже диван. Как

странно! Немного посуутилась у плиты и ахнула, когда заметила, что стрелка настенных часов перевалила на восьмой час. Надо спешить! Еще предстояло причесаться, одеться и добраться в университет!

У двери в спальню неожиданно остановилась. Утро в декабре позднее, но наступает неумолимо, и за последний час в комнате заметно посветлело. Я решила вспомнить о вежливости (точнее о том, что Сокольский спит голышом) и постучать. Громко. Да и, елы-палы, вставать уже пора! Сколько можно дрыхнуть!

Тыдыщ!

– А?! Что?!

– Это я. Мне бы вещи взять. Можно войти?

Ну он и тугодум! Или утро на всех соколов так действует?..

Раз ковбой, два ковбой, три ковбой... Может, взять ружье и по уткам пострелять?

– А что тебе мешает? – наконец сонно отозвался парень. – Ночью ведь вошла.

– Так ночью темно было.

– И что?

– А сейчас уже утро. Вдруг я войду, а у тебя там из-под одеяла торчит что-то неприличное? Еще вопить начну. Впадешь в коматоз – не откачают!

Вообще-то я имела в виду совсем не то, о чем вы подумали. Нет, честно. Мне и первого раза хватило! Хотя вот когда

сказала, то сама подумала о том же самом и прикрыла глаза ладонью. Ну и Фанька-а! Вот ляпнула так ляпнула! Хорошо, что Сокол, кажется, еще не проснулся.

Нет. Проснулся. Пробухтел сердито:

– Ничего у меня не торчит. Точнее, когда надо – так очень даже... Блин, Чиж, ты что несешь с утра пораньше? Не выспалась?

– Если честно, – виновато вздохнула, – не очень.

– Оно и видно. Заходи уже, мелочь! – привычно рыкнул. – И можешь не мечтать увидеть меня нагишом, я перед тобой сверкать задом больше не намерен!

Ух, осчастливил. Горе-то какое! Так и захотелось показать Сокольскому язык.

– Вот и хорошо!

– Боюсь, набросишься и искусаешь.

– Чего?! – мордаха сама выглянула из-за угла, а за ней и ноги притопали. Брови, в ответ на смех Сокола, съехались к переносице. – Ты! Совсем опупел?! Уж лучше вечный коматоз, чем... чем... Понял!

И не заметила, как оказалась возле кровати. Парень, закинув руки за голову, вопросительно изогнул дугой темную бровь. Пришлось отвернуться и вспомнить, что я пришла в комнату за вещами, а не за тем, чтобы тарашится на всяких остроклювых дятлов. Как на мой взгляд, так незаслуженно симпатичных. Но прежде чем уйти, все равно задержалась на пороге.

– Яичницу не приготовила, зато приготовила мясные гренки. С тебя, Сокольский, к вечеру батон, молоко, и, – наставила на остряка палец, – ветчина. И еще. Раз уж ты нагло слопал мой ужин, я у тебя взяла пакетик чая. Надеюсь, ты не против. Ну пока.

– Пока.

Вот теперь ушла. Интересно, до начала занятий в университете сорок минут, а парень в постели. Как он умудрится не опоздать-то? Хотя, у него вроде как машина имеется?

Только выпорхнула из подъезда, как чуть не влетела в руки еще одного пернатого.

– Анфиса? Доброе утро! Уже убегаешь?

Передо мной, как царь горы под ручку с лешим, стояли Сокольский-папа с Сусанночкой. Клянусь, при виде меня у женщины дернулись челюсти.

Ну и рань! Чего они тут спозаранку забыли-то?

– Д-доброе! Василий, э-э... – я застыла на месте, глупо моргая. Че-ерт, как же его отчество? Карлович? Константинович? Ведь если сейчас ошибусь – спалю Соколу контору нафиг! Я же с папой вроде как сама мечтала познакомиться, а тут... Николаевич? А может, Денисыч?

Сусанночка, видя мое замешательство, победно сверкнула глазками и показала акульки зубки.

Ай! К чему мелочиться! Мы же по легенде почти что родственники! Пусть папа с сыном сами разбираются, а чиж аку-

ле на зуб так просто не дастся!

– Здравсьте, дядя Вася! – я снова, как прошлым вечером, лучезарно улыбнулась мужчине. – Да, убегаю. В университет!

Лицо Сокольского-старшего не дрогнуло. Совсем как лицо сына, когда я его за задницу щипала. И по уху не врезал – значит, переживет. А вот его будущей женушке моя коммуникабельность точно костью в горле встала. Вон, даже закашлялась, бедная. Пришлось похлопать женщину по спине.

– А вы к Артему? – задала не самый умный вопрос, но неудобно было просто взять и уйти.

– К сыну. Решили вот заглянуть перед отъездом.

– Ага! Передавайте привет, а то я уже соскучилась по Артемке – жуть! – по-свойски подмигнула. – Так я побежала? На учебу опаздываю.

И по тротуару, по улочке трусцой к остановке. Но как только дверь подъезда за гостями закрылась...

– Алле?

– Сокол, это я! Скорее прячь матрас под кровать! К тебе делегация!

– Кто?

Содержательно.

– Они!

– Сколько?

– Двое! Илоночку где-то потеряли.

– Понял! Спасибо, Чиж! – и отключился. А я выдохнула:

кажись, пронесло!

Людей на остановке толпилось много. Район новостроек оказался большим, транспорт ходил исправно по расписанию, но я все равно чуть не опоздала на пару, по привычке пропуская вперед школьников и родителей с малышкой. Когда прибежала в универ, сдала вещи в гардероб и нашла аудиторию – преподаватель уже стояла на кафедре и выговаривала группе за плохо написанную лабораторную работу по экономической информатике.

– Чижик!

Не успев юркнуть за парту, я подпрыгнула, уколовшись о лед голубых глаз.

– Да, Полина Викторовна?

– Анфиса, в чем дело? Тема работы была «Бизнес-приложения как основной компонент информационных систем». А у тебя что? Разве это схема управления? Где вводные данные и способы обработки? Ты у меня всегда на хорошем счету, мы с тобой разговаривали о подготовке проекта на область. Где вывод о бизнес-процессах?

Зарецкую на потоке боялись все. Не преподаватель – снежная королева информатики, требовательная и до ужаса циничная. Как этой молодой женщине двадцати шести лет от роду удавалось держать своих студентов в железной узде – оставалось загадкой. Наши девчонки сходились во мнении, что весь секрет заключался в ледышке вместо сердца и хват-

ке дементора, и пусть я с ними была в корне не согласна, под ледяным взглядом мне тут же, как страусу, захотелось спрятать голову в песок. Уверена, остальным студентам – тоже.

– Так это, Полина Викторовна... в тетради все.

– Вот именно, что все, Чижик. Негусто. У других результаты еще хуже. А мне нужно, чтобы из вас получились лучшие аналитики и специалисты, способные, если и не решать сложные управленческие задачи, то хотя бы иметь четкое представление, для чего нужны программные системы и продукты. Я понимаю, что на горизонте маячат праздники и каникулы, что вы устали, но впереди контрольные и сессия. Соберитесь!

Ну мы с Уляшкой и собрались. Всю пару просидели, как мыши в анабиозе, внемля словам Снежной королевы факультета, слушая про инновационные технологии в экономике, конспектируя и боясь лишний раз шелохнуться. Молчали как рыбы подо льдом, хотя к окончанию пары терпение подруги иссякло, и темные глаза Уляшки уже всюду стреляли в мою сторону.

– Ким, давай потом! – я подхватила девушку под руку и потащила по коридору. Впереди ждала любимая (в кавычках) физкультура, и нам предстояло добежать через улицу и два соседних корпуса до главного спортзала университета. – У нас с тобой на все про все десять минут, а еще хорошо бы переодеться!

– Фанька, пощади! – взмолилась подружка. – Я сегодня

спать не могла, всю ночь вертелась. Меня же от любопытства разорвет!

– Не разорвет! – мы обе, хватая в гардеробе куртки-пуховики, рассмеялись.

– Ну, Фа-ань!

– Ладно, любопытная Варвара, – сдалась я. – Спрашивай.

Мы вышли из корпуса и сбежали по припорошенным свежим снежком ступеням с крыльца. Поспешили с другими девчонками из группы по тонкой аллейке к спортзалу, теряясь в хвосте.

– Ну и как прошла первая ночь в квартире Сокола? – Уляшкa следом за мной с разбегу проехала по длинной полоске льда, снова пристроилась рядом и наострила ушки.

– Вообще-то вторая, – уточнила я.

– Ой, точно! Так как прошла? Надеюсь, Сокольский тебя не обижал? Как ни крути, Фань, а квартира – его территория, стоило переживать.

Я неопределенно пожала плечами, очень уж хотелось подразнить Улькy.

– Что, обижал? – испугалась подруга.

– Ну, если не считать того, что я его сначала чуть не пришибла сковородкой, потом угрожала ножиком, а потом он меня чуть не задушил – то ночь у нас прошла вполне по-деловому, – поспешила я ее успокоить. – Выжили оба!

У Уляшкi отвисла челюсть. Даже с шага сбилась. Пришлось остановиться и помочь подруге захлопнуть рот.

– Снежинок нахватаешь, Ким, и застудишь горло. Идем!

Но выражение лица у Ульянки всю дорогу было такое чудное, как у Винни-Пуха, когда он заглянул в бочонок с медом и не обнаружил там оного – смесь растерянности и ужаса, и мне ничего не оставалось, как выложить все начистоту. И про бабайку, и про акулю улыбку Сусанны, и даже про дядю Васю.

– А теперь переживай тут, как там Сокол справится без меня. Он, конечно, тот еще утконос, но сделка есть сделка, так что я постараюсь отложить обиды на три недели. Ему сейчас с этой Илоночкой точно не позавидуешь!

– Офигеть! Ну ты, Чижик, и влипла!

По пятницам физкультура у групп ТЭФ-1 и ТЭФ-2, в которой мы учились, проходила с четвертым курсом. Обычные пары обычных студентов, когда парни бегают по полю спортивной площадки, гоняя мяч, а девчонки жмутся в уголке или засеиваются по периметру со скакалками в руках. А то и вовсе сидят, болтая ногами, на невысоких трибунах, пока их тренер решает важные вопросы по учебной части в неизвестной атласу географии.

Но сегодня все тренеры были на месте, близился конец полугодия, и четыре десятка девчонок согнали в угол, где висели два каната, пытаясь подбить на сдачу норматива. А до потолка метров шесть. Или семь. Неужели десять?! В попытке измерить высоту у меня ожидаемо закружилась голова.

Еще со школы не люблю этот спортивный снаряд. Терпеть не могу! Он всегда вызывал во мне приступ паники и немоты. Вызвал и сейчас. Уж лучше через козла попрыгать, поплавать, побегать наперегонки с секундомером, но только не канат. Зная о своем страхе, тихонько поползла в сторону.

Какой там!

– Хорошо, Ким! А теперь Чижик! Где Чижик?! Чижик, быстро на канат! Пошла! Не заставляй людей ждать!

А... Э-э... Мама! Делать нечего, полезла с дрожью в ногах. И знаете, все бы ничего. Пока глаза были закрыты, так у меня очень даже получилось забраться наверх, но как только открыла... Зал оказался маленьким, а я и вовсе букашкой – испуганной, жалкой и страшно одинокой, смотрящей на мир людей с высоты.

Вон Уляшка следит восхищенным взглядом за качающимся пресс Мальвином. Вон наши парни чуть в стороне обороняют футбольные ворота от Сокола, который как всегда уверенно рассекает поле с мячом в ногах. Слишком быстрый, слишком верткий и слишком спортивный, чтобы этот мяч кому-то отдать. Вон наши девчонки – отсюда видно, как они шушукаются и строят глазки ребятам, а вон и тренер... Смотрит на меня и почему-то подозрительно активно машет руками.

О-о-ой! Взгляд уперся в пожелтевший потолок. А-а-ай! Снова скользнул вниз.

– Чижик! Анфиса! Ты чего там застряла? А ну слазь!

Поздно. Я уже повисла на канате, вцепившись в него зубами, как дикая мартышка на лиане. И ни туда, ни сюда.

– Чижик! Кому говорят – слазь! Вниз давай!

– Чижик, прекрати валять дурака!

– Чижик, это что еще за новости?!

Не-а. Я себя знаю. Сначала горло онемееет, потом руки, затем спина, а потом меня в полубессознательном состоянии всем педсоставом вместе с ректором снимать будут! С помощью уговоров и команды пожарных! Надеюсь, хоть в этот раз никого не покусаяю.

Не покусала, но стыда набралась – на весь мой век хватит.

– Это просто кошмар. Надо мной теперь весь факультет будет ржать.

– Да ладно тебе, Фань, – поспешила успокоить верная Улька, шагая рядом по улице. – Главное ведь, что цела осталась! Подумаешь!

– Понимаешь, я была уверена, что со мной такое больше не повторится. Это же не школа, я должна повзрослеть. А здесь какие-то глупые страхи! – я в отчаянии сжала руки в кулаки. – Откуда он только взялся, этот чертов канат! А еще тренер: чего молчишь? Чего молчишь? А я не могла ничего сказать. Вообще ничего! Неужели с ним никогда не бывало ничего подобного? Чтобы горло свело и ни звука!

– Тебя парни хотели снять, но он не разрешил.

– А вот это правильно, – не могла не согласиться. – Уж

лучше пусть ржут надо мной, чем обвиняют в чем-то тяжком. Эх, – грустно вздохнула, – такое было настроение хорошее, и на тебе. Весь день насмарку!

Сейчас только одно могло поднять нам с Уляшкой расположение духа, и мы, не сговариваясь, направились в буфет. Душить червяка калорией, ага. И знаете, неожиданно придушили, разговорившись с Наташкой Крыловой, занявшей вместе с нами столик. Точнее, Уляшка разговорилась, а я в самый неподходящий момент сунула нос. И как всегда причина оказалась в приснопамятной троице.

– Девочки, а вы знаете, – Наташка умяла кусок сосиски в тесте и заметила тоном соседки-сплетницы: – Оказывается, у Мальвина девушка есть.

– Правда? – тут же охнула Ким, чуть не выпустив из рук стаканчик с горячим чаем, и заметно приуныла. – Да?

– Правда. Только он ее никому не показывает. Олька Грачева сказала Тимофеевой, а та уже мне. Вроде как у Грачевой с Мартыновым было что-то, и он ей по секрету признался, что занят. Теперь Грачева ревет. Ее, по слухам, еще весной Сокол отшил, а теперь и тут непруха. Они же у нас с Анисимовой первые красотки факультета, и вдруг в таком пролете.

Ким напряглась, поглядывая в сторону Мальвина, который сейчас сидел в компании друзей и какой-то девчонки. Опа! Уже в компании двух девчонок! Им бы еще одну и будет всем братьям по серьгам! А так непонятно, кому достанется внимание и главный приз красотки Анисимовой – Лешему

или Соколу.

Ну а нам да, нам только и дай языки почесать. Чего еще в буфете делать-то?

– Интересно, а почему не показывает? – спросила Ульяна.

– Не знаю, – пожалала плечами Наташка, – вроде бы она учится в другом городе и сильно занята.

– А может потому, что ее и нет вовсе – девушки? – хмыкнула я. Не очень-то мне понравилось, что подружка расстроилась. – Или она такая страшная, что и показать стыдно?

– Ты что! Там, по слухам, модель с ногами от ушей и внешностью, как с обложки журнала! – возмутилась Крылова моему неверию. – Грачева бы Тимофеевой врать не стала!

– Грачева, может, и нет, а вот Мальвин – запросто.

Ульяшка совсем сникла, и я погладила ее руку.

– Уль, ну перестань. Да кто ее видел? У него этих девушек – вагон и маленькая тележка! Вон, как у Лешки твоего! Не хватало еще верить всяким слухам!

– А вдруг он свою девчонку от друзей скрывает? Боится, что уведут? – предположила Наташка.

– Тогда грош цена такому трусу и таким друзьям! И вообще, нашли о ком говорить!

Но когда мы с Ульянкой вышли после занятий к остановке, она все равно сказала, словно мои слова нуждались в ответе:

– Ты вот бурчишь, Фанька, а парни они все скрытные. Между прочим, мой Лешка до сих пор не знает, что ты у Со-

кола живешь.

– Как это? – удивилась я. Уж кто-кто, а Леший, была уверена, что в курсе нашей сделки с Сокольским.

– А вот так. Сегодня утром спросил у меня, как у тебя дела и нашла ли ты общагу. А еще – не сильно ли тебе от Сокола досталось? Хорошо, что я догадалась соврать. Так что Артем даже с друзьями не очень-то откровенничает.

– Ким, так это же совсем другое! – развела я руками. Неужели Уляшке не понятно? – Это он не меня скрывает, а на себя любимого и свободного не хочет тень бросать! Я вообще смотрю, он себя не соколом, а орлом мнит. А так – плевать хотел, я ему помогаю или кто-то другой, лишь бы достичь цели. Потому и молчит, что неважно. А Мальвин придумал удобную отговорку для глупых девчонок и пользуется. Все равно ведь клюют. Я вообще не понимаю эти игры-загадки. Что это за парень, который за спиной своей девушки смотрит на другую? Или прячет. Или вообще – стесняется, – вроде бы старая обида, а сердце все равно больно сжалось. – Как по мне, так это последнее дело! А значит, и не любовь вовсе!

Ну вот, сколько раз обещалась себе молчать, а снова разошлась. И настроение окончательно опустилось за отметку «ни к черту». Так и расстались с Уляшкой до понедельника – каждый с мыслями о своем, а я поехала на работу. Как-то неудобно было к Соколу на квартиру заезжать, чтобы переодеться и покушать, решила терпеть до сна. Поездку домой

из-за бывшего я отложила на утро, впереди меня ждал долгий пятничный вечер, когда бар гудел и оживал как никогда, и я твердо знала, что Тимуру моя помощь не будет лишней.

– Привет, Фань! Ты рано сегодня! – окликнул меня бармен, как только я вошла в зал и направилась к подсобке. В помещении было пусто, появление завсегдатаев только ожидалось, и Сашка привычно возился с бутылками с выпивкой, выставляя их в нужном порядке и наполненности на стеклянную витрину.

– Привет, Саш! Не поверишь, по работе соскучилась!

– Рассказывай, красавица, – парень засмеялся, и я невольно улыбнулась в ответ, снимая шапку и расстегивая пуховик. Все-таки приятно, когда тебя называют красавицей, пусть и говорят это сто раз на день любой особе женского пола. – Уже неделю без выходных. Завела бы наконец парня, глядишь, и скучать бы не пришлось.

– Уж кто бы говорил...

– Так я тебя жду, Фань! А ты у нас объект жутко несговорчивый. И вообще – кусачая недотрога.

– А ты не трогай, и я не буду кусаться.

Вот так с улыбкой и вошла в подсобку. Спрятав вещи в шкаф, переоделась. Если на смене был Александр, значит, и Райка крутилась где-то поблизости. Обычно официантка глаз не спускала с симпатичного темноволосого парня в тесной черной футболке, с татуированной от плеча до запястья рукой, вот и сейчас, что-то бросив ему на ходу, вбежала за

мною следом.

– Привет, Фанька! А ты разве не уехала к родителям? Сегодня же пятница? – выпалила в две секунды.

– Завтра, – я неопределенно махнула рукой. – Да и деньги нужны.

– Вот и отлично! Поможешь со столиками? Сегодня вечер ожидается просто феерический! Наши играют в четвертьфинале с болгарами, на первой линии обороны Самойленко, так что Тимур ждет полный бар. А тут еще Ромка задерживается, и я одна на весь зал!

Это была не очень хорошая новость. Обслуживать клиентов я не рвалась, но и не отказывалась, а вот домой предпочитала уходить пораньше. Все же бродить поздним вечером по городу девушке одной – мало приятного, а бар часто работал за полночь, и официанты покидали заведение последними. Ну да делать нечего. Сами знаете, не студенту перебираться харчами и заработком. Я пообещала Райке помочь, понадеялась на щедрых клиентов и принялась за работу.

Сначала я помогала дяде Жоре – нашему повару, готовить на кухне нарезку. Потом мыла посуду. Потом обнаружился дефицит туалетной бумаги, и я, как самый младший сотрудник бара «Маракана», сгоняла в ближайший супермаркет и притащила целую коробку. Снова сгоняла за освежителем воздуха. Потом терла столики, натирала пепельницы, поливала цветы, проверяла меню. А потом мы с Райкой покурили на крыльце. Точнее она покурила, а я так, рядом постояла.

Но с удовольствием! Потом мы, как две вышколенные гончие, носились по залу, встречая клиентов.

– Здравствуйте! – грудь вперед и улыбка в пол-лица. – Рады вас видеть в нашем кафе-баре «Маракана»! Будете делать заказ?..

– Здравствуйте! Первый раз у нас? Рады видеть... – И через полчаса: – Вам повторить?

– Здравствуйте! Пиво? Конечно! Для вас большой выбор. И закуски! Одну минутку...

Весь вечер бар заполнялся людьми, а к началу матча и вообще набился под завязку. Еще немного, и от болельщиков будет не протолкнуться.

– Тимур, ты как хочешь, а я до полночи не останусь.

– Анфиса, не канючь. Я тебя отвезу.

– Не ври, сколько раз уже отвозил. Сейчас наши продуют, и ты с горя с дядей Жорой напьешься!

– Да ни за что! Типун тебе на язык! 1:0 – еще ни о чем не говорит. Впереди второй тайм!

– Значит, выиграют, вы на радостях выпьете, а я у тебя тут сдохну!

– Плачу вдвойне!

– То есть к моим трем копейкам еще три? Очень смешно, Тимур! Не-а, я домой хочу.

– Ладно, молодежь, живи. Рома звонил, вроде обещал скоро быть.

Райка. Откуда только взялась?

– Фа-ань! – подлетела из зала. – Куда пропала? Не успеваю! Обслужи компанию за шестым столиком! У меня два заказа горят!

– Видишь, Чижик, что творится? Еще один столик обслужишь?

– Тимур, десять вечера уже...

– Ну, Фанечка-а... Ты же знаешь, как тебя клиенты любят. Так и быть, оплачу вам с Раей такси.

– Ыыы, хорошо!

Уже на полпути чуть не споткнулась, заметив за нужным столиком Сокола в компании незнакомых девушек и парней. Станным образом, в приглушенном свете зала вся компания выглядела немного старше обычных студентов. Или это я не привыкла разглядывать Сокольского вне университета? Или тому причиной футбольный матч? Неважно. Сейчас на парне была рубашка под цвет глаз, модная челка падала на глаза... ах, да, на коленях сидела девушка. Скажите пожалуйста, какая неожиданность.

А впрочем, мне-то какое дело? Главное, помнить об уговоре. До него бы я Сокола вообще в упор не заметила, ну, вы понимаете.

Подошла, выпятила грудь, растянула губы в профессиональной улыбке и спросила, чего, собственно, господа желают? Оказалось, пива, креветок, легких закусок, тройку коктейлей для девушек... и победу в сегодняшнем матче. Ничего необычного. Пообещала исполнить! Сокол ожидаемо и

бровью не повел. Отлично! Молча пошла обслуживать заказ.

Через двадцать минут наша команда забила гол, и бар взорвался криками! Мы с Райкой снова, как гончие, понеслись между столиками.

– Вам что-нибудь принести? А вам? Конечно, есть! Буквально две минуты! Ура-а-а...

Еще через десять минут нашим футболистам опять улыбнулась удача, счет стал 1:2, и красotka слетела с колен Сокола. Кажется, парень и сам не заметил, как смахнул девушку с рук, вслед за друзьями вскочив с места. Вот она, любовь страшной силы! К футболу, ага! Я в этот момент как раз проносила к соседнему столику пиво и чуть не уронила поднос, когда девица «выпала» из-за стола. Чтобы замять неудобный момент, бросила полупьяно через плечо:

– Чего смотришь? Один «Лонг-Айленд» принеси! И скажи бармену, пусть льда кладет меньше! Не люблю, когда на мне экономят! Надеюсь, не придется ждать полчаса?

Я постаралась поторопиться. Вспомнила отвергнутую Ольку Грачеву, и вдруг жалко девчонку стало. Дуреха, на что надеется? Видно же, что она парню нафиг не нужна. Так же, как подружки его друзьям. Хотя, может, это я в этой жизни чего-то не понимаю? И это у меня все плохо, а у них отлично? Молодые, здоровые, спарринг-секс, все дела. И разошлись довольные, как в море корабли, каждый к своему фарватеру. Эх...

Сашка был занят под завязку. Над стойкой бара висела

плазма, толпился народ, так что пришлось, не дождавшись бармена, сделать коктейль самой, и очень постараться не испортить. В баре неожиданно стало так тихо и напряженно, что даже я замерла.

Ясно. Последние минуты матча, опасная игра у ворот, напряженный момент... Кажется, сейчас будет взрыв.

Взрыв. Урааааа! Наши победили! Блиин, ну зачем так орать?

Я лихорадочно трясла шейкер и улыбалась клиентам. Вот только обнимать меня не надо, и тискать тоже! Интересно, я сегодня домой попаду? Надо было соглашаться с Тимуром не только на такси, а еще на кило черного шоколада и неделю оплачиваемого отпуска.

Когда вернулась к шестому столику, девица снова вылезла к Соколу на колени и хихикала, он лениво потягивал пиво из бокала, а его друг подзывал меня рукой.

– Вы что-то хотите? – вежливо спросила у парня, поставив перед девушкой на стол коктейль. Скалиться уже не было никаких сил.

– Хочу. Двойной «Ржавый гвоздь» и тебя, малышка. Может, присядешь? – парень раздвинул ноги, подмигнул и хлопнул себя ладонью по паху. – Покатаю.

За столом раздалась смешки.

Ну, началось. Все ясно. Кто-то здесь явно перебрал. Вот почему не люблю задерживаться до закрытия и обслуживать поздних клиентов. Среди них всегда найдется какой-нибудь

идиот, который обязательно испортит настроение.

Я постаралась ответить в духе персонала модного заведения – то есть крайне вежливо. А вот «выкаты», глядя на гнусную ухмылочку наглого типа, расхотелось совсем. На случай неожиданной активности посетителя, работники всегда могли рассчитывать на вышибалу Толика. Так чем я не работник?

– Спасибо, не думаю, что мне будет удобно, сидя у тебя на коленях, обслуживать других клиентов. Тем более на чем там кататься-то? – привстав на носочки, заглянула за столик. – На ржавом гвоздике? Если честно, и того не вижу.

Видимо, я сказала что-то смешное, потому что компания рассмеялась. На Сокола я не смотрела.

– Ой, попросишься, девочка... – парень не выглядел расстроенным. Совсем напротив. Дернув на плечах куртку, наклонился ближе. – Люблю строптивых. Хочешь поиграть?

– Макс, кончай, – вдруг равнодушно отозвался Сокол. – Не заводи девчонку.

– Ну, с такой, может, и кончу. Поздно, Тёмыч, я уже отчаился навстречу своему счастью! – И снова мне: – Это ведь ты сегодня в спортзале вскарабкалась на канат? Хорошо смотришься снизу, малышка, я заценил!

И заржал. Вот же козел! И другие заржали! Так и захотелось их всех чем-нибудь крепко огреть! Я даже папку для заказов выудила из-под мышки и стиснула перед собой в руках. Ну, кто первый?

Видимо, не только я почувствовала неладное, потому что подруга Сокола вдруг заканючила:

– Артем, я устала и напилась. Рассчитайся за нас с официанткой и пошли отсюда! Давай к тебе? В прошлый раз мне все понравилось. Как насчет того, чтобы вдвоем отметить выход в полуфинал? Я уверена, котик, нам с тобой пора уходить.

Что?! Уходить? Уже? То есть... А как же я?! Возникший перед глазами знак вопроса затмил собой даже «котика».

Пришлось прижать папочку к груди и бочком, бочком подтопать к парочке ближе, пока остальная компания продолжала развлекать себя смехом. Пробубнить как бы между прочим, но заметно погромче:

– Вот-вот. Официантка тоже человек, и тоже очень хочет домой.

– Ну вот, видишь! – тут же отозвалась девушка, которую, кажется, я опрометчиво поспешила жалеть.

Сокол взглянул на меня, я на него. Снова на меня – я ответила тем же. Сверкнула глазами: мол, лишишь спального места, остроклюв – убью! Потом воскресну и еще раз пристукну. Сковородкой, с которой ты мою ветчину сожрал!! Не я первой скрепляла сделку рукопожатием.

– Не получится, Зая, – парень развалился на стуле. – Не сегодня. – И девицу с рук – брынь на соседний стул, а сам мордахой к друзьям. Типа – отвали, черешня, у нас тут вообще-то футбол!

Но если бы в жизни все решалось так просто, у меня обязательно была бы своя комната, а Сокольский не боялся бы ранить отца. Вот и Черешня сдаваться не собиралась. Ну еще бы! Я бы на ее месте тоже обеспокоилась такому внезапному охлаждению к своим прелестям. Девчонка была яркой раскраски – высокая и симпатичная, чего уж там.

– Это почему же? – повисла на руке Сокола, хлопая того по плечу. – Ну же, Артемка, не ломай кайф, – скривила мордочку, – я неделю ждала! Что случилось-то?

Парень заюлил. Ломать кайф ему и самому вряд ли хотелось, особенно, когда перед глазами усиленно «дышал» бюст, который скромницы обычно прячут в высокое декольте, но лично меня этот факт ни капли не волновал! Уж я-то точно не собиралась после такого длиннющего дня гулять бездомной дворнягой по зимнему городу!

– Вика, солнце, не могу, извини! – как от души оторвал. – Совсем забыл. Сестра в гости приехала, ночует у меня. Боюсь, не поймет.

– Старшая? – выдохнула девушка. Неужели с уважением, или мне показалось?

– Да какой там, – Сокол в ухмылке растянул уголок рта. – Мелочь троюродная, сопливая. Школу закончила, а все никак с пупсами не расстанется. Спит в пижаме с Микки-Маусом и плюшевых носках.

Что? Да откуда он зна...

– Навязалась мне на голову, теперь не выгонишь.

– А если ее на кухне запереть? – оживилась Вика-Зая. – У тебя же там диван есть?

Че-го?!

– Не получится, – вздохнул «братец». – Она у нас того, – покрутил ладонью у виска, – лунатик. С красными глазами барабашек по ночам ищет, как Ван Хельсинг нечисть. Может и в окно сигануть, если на ночь к кровати за косу не привязать.

– Ненормальная, что ли? – впечатлилась подруга.

– Ну зачем же. Так, с придурью немного. И главное, это не лечится. Разве что осиновый кол...

Rrrr...

– Р-расплатитесь! – вдруг рявкнула я. Вот сама от себя не ожидала. Схватила ручку, сделала с холодной миной подсчет и брякнула чек на стол. – Я закрываю заказ и ухожу!

– Почему? – Девушка странно покосилась, а Сокольский, гад, заулыбался крокодилищем. Полез в карман за деньгами.

– Потому что у меня работа вредная!

– Столько хватит? – великодушно отвалил официантке «на чай». И добавил, запустив руку с купюрой в мой карман: – Вот держи еще, мелочь, на молоко!

Что-о?!

Ну все! Шутки кончились. Вот вернусь домой – спалю вражине хату дотла!

– Анфиса, ты куда?

– Все, надоело! Я увольняюсь!

– Ясно, – кивнул Тимур. – План перевыполнен, победа за нами, пора вызывать такси? – сгреб деньги с барной стойки в карман и растянул с Сашкой улыбку на двоих.

– Именно! – и почему я сегодня так всех веселю? У меня что, на лице сидит клоунский нос? Или брови сползли на щеки?

– Только попробуй, Санчос! – наставила палец на бармена, с серьезным видом протянувшего мне чупа-чупс. – Сам за туалетной бумагой бегать будешь, понял! На костылях!

– Так я ж из чувства солидарности, Фань! Врачи говорят – глюкоза при стрессах полезна. Слопаешь, глядишь, снова человеком станешь.

– Да идите вы! – развернулась, махнув хвостом.

– Фаня, ты что? Уже домой? – окликнула в спину Райка, когда я, рассекая лбом толпу, как ледокол «Октябрь» воды Антарктики, натянув шапку и пуховик, проплыла-пропыхтела мимо девушки к выходу.

– А черт его знает! – бросила честно. – Вроде как домой, а вроде и нет.

– Как это?

– А вот так! Разве у Чижика может быть хоть что-то, как у нормальных людей?

Сказала и хлопнула входной дверью, отодвинув с дороги вышибалу Толика. Хорошо хоть не ногой.

– Р-раступись!

Но как только оказалась на парковке, оглянулась и увидела вокруг себя темную снежную ночь, неожиданно сдулась как шарик и вздохнула, роняя сумку с плеча. Вдруг ужасно захотелось оказаться дома рядом с мамой.

Вот они! Шашечки!

– Э-э-эй!

Автомобиль мигнул фарами на взмах моей руки и подъехал ближе.

– Машину заказывали?

Я кивнула. Попробовал бы Тимур не заказать при такой-то кассе. Вот сейчас такси меня отвезет, а потом уже и Райку по месту назначения доставит, все равно ведь в разных районах живем.

– Конечно! – уверенно влезла в салон и притихла. Как только назвала адрес и за окном замелькали дома, фонари, и желтые зрачки светофоров, раззевалась не на шутку, как сонный кашалот. Ох, до чего же спать хочется! Кажется, гораздо сильнее, чем палить Сокольскому хату. Он, конечно, бабник и гад (такой же, как его дружки!), но матрас у него зачетный, да и квартира уютная. При мысли о подушке в груди приятно защемило, как у Горлума при виде кольца Всевластия. Моя прелесть! Вот сейчас приеду, приму душ, пока хозяйина нет, и каааак завалюсь спать до шести утра! Потому что в семь-то у меня уже автобус!

А еще есть хочется – жуть! Надеюсь, про молоко Артем

пошутил. Потому что если нет, то... Ладно, потом подумаю, что я с ним такое страшное совершу!

– Переулок Федосеева, девушка. Приехали.

Я зашевелилась. Уже? Надо же, чуть не уснула. Дернула за ручку – заперто.

– С вас за проезд.

– Чего? – опешила.

– Обычный тариф плюс десять процентов ночных. Итого... – и бац сумму! Озвучил, значит.

– А разве Тимур не договорился, что сам оплатит?

Мужик обернулся и глянул косо. Ну и типчик! Волян-де-Морт с усами!

– Кто такой Тимур?

– Ну, Тимур! Хозяин кафе-бара «Маракана»! Откуда вы меня подобрали. Он сказал, что вызовет такси.

– Вызов был, оплаты не было. Конечный адрес действительно не тот, что был в заказе, но кто вас, ночных пассажиров, поймет. Первый раз, что ли.

– Ну вот, видите...

– Так, девочка! Только не пытайся меня развести на деньги! – и этот рычит. Развернулся и кулачище на спинку сиденья хрясь! Брови к переносице хмысь! И ни одного сомнения, что зло проснулось. Жаль, не знаю заклинания, как материализовать волшебную палочку, а то бы защищалась. – При муже или жене один адрес называете, мне – другой, а я с вами всеми играть должен?

– Да я правду говорю! – попробовала объяснить подозрительным пискком. – Хотите, позвоним ему прямо сейчас? Он точно...

– Не хочу! Я с тобой полночи по городу кататься не собираюсь, мне работать надо! Так, уважаемая, будем расплачиваться? Или я вызываю подмогу? Учти, у нас контора солидная, все по-серьезному. Не понравится, могут и накостылять, не посмотрят, что в юбке. Вас – молодых да наглых – только так и нужно жизни учить!

Ну и дене-ек. И почему я не удивляюсь своей бестолковости? Ведь действительно села и не спросила. Так кто же мне виноват?

– Не надо никого звать, я расплачусь, – потянула сумку на колени и полезла за кошельком.

– Во-от. Другое дело.

– Зря, что ли, целый вечер впахивала на празднике чужой жизни, – вздохнула. – Как раз на такси заработала.

– А вот это меня уже не интересует.

– Кто бы сомневался.

Пока шла к подъезду и поднималась пешком на седьмой этаж, все думала: интересно, это только я одна такая невежущая на весь белый свет Чижик, или еще похожие дурищи есть? Так хочется хоть кому-нибудь поплакаться в жилетку, чтобы тебя выслушали и пожалели. И я поплакала немножко, как настоящий оптимист, пока никто не видит. Нет, правда, утерла кулаком слезы. В конце концов, я же живой чело-

век, а они все надо мной смеются. Даже таксист.

Не стала я лезть под душ. И ужинать не стала. Просто разделась, надела любимую пижаму с Микки-Маусом, плюшевые носки, достала из-под кровати матрас и улеглась спать. Утро вечера мудренее, чем не про Фаньку сказ? А Сокол, ну что Сокол. Не быть нашему прЫнцу Иванушкой-дурачком – вон каким красавчиком развязным в баре сидел в обнимку с принцессой-лягушкой. Такие даже в сказках высоко летают. Надеюсь, хоть свет догадается не включать, когда вернется, довольно с меня издевательств.

Подумала, и тут же уснула, коснувшись щекой подушки.

POV Сокол

– Вика, зая, посмотри на парочку за соседним столиком и на нас. Улавливаешь разницу?

– Хм, не очень. А что?

– А то. Они по жизни вместе, а мы – нет.

– Не понимаю. Артем, ты к чему ведешь?

– К тому, что в прошлый раз у нас с тобой проблем не было, а сегодня, кажется, будут.

– Ты такой смешной... – и снова эти кокетливые ужимки, которые я терпеть не могу.

– Да неужели? И почему я считал тебя понятливой? Ты весь вечер лезешь на меня, как будто страдаешь от чесотки, а я единственное средство спасения. Я говорил, что не люблю этого? Солнце, тебя что, трахнуть некому? Я уже сказал

«нет», хватит меня уламывать, я не девочка.

– Что?!

Слава богу, с колен вскочила и руки с шеи убрала.

– Извини, заяц, но квартиру искать не стану – устал как черт. А из романтики холодных подъездов уже вырос, не вставляет.

– Да я думала, ты сам не против!

– Да вроде нет. Был. Слушай, Вика, мы же взрослые люди, давай не будем играть в игру «этот бамбино мой». Ну, не случилось на этот раз, случится в другой. Не я первый, не я последний. Хочу то, хочу это – с такими капризами не ко мне, сама понимаешь. Я тебе показал разницу.

– Придурок! – сказала зло, но тихо. Значит, завтра сама позвонит.

Пришлось встать, остановить и приобнять за плечи.

– А вот теперь прощаемся. Потому что я, зая, могу и вспылить. Ясно?

Ушла. И подругу забрала. Макс обиженно дернул губой.

– Не понял. Сокол, ты чего? – спросил удивленно, разведя руками. – Какого черта?

Если бы я сам знал. Вдруг достала, и все.

– На хрена ты вообще баб позвал, Титов? Договорились же футбол смотреть.

– Так скучно вроде, Тёма, без девочек, не? Раньше ты не был против совместить приятное с полезным, так почему сейчас обломался? У меня вообще-то на Светку были планы.

– Твои планы, Макс, сейчас штаны порвут. И не только на Светку. Вали, догоняй! Может, на троих сообразите, а я домой, – сняв куртку со спинки стула, потянулся к бокалу с пивом и одним махом допил. – Пока.

Чертов день! Пиво, друзья, отличный футбол, но даже в баре не получилось расслабиться. Еще эта Чиж. Откуда только нарисовалась? И что за дурацкое место работы для такой девчонки? Не помню, замечал ли я ее раньше в «Маракане»?

Пока пробирался к выходу, случайно зацепил плечом незнакомого парня. У того из рук выскользнул бокал. Упс. Бывает. Качок поднял голову:

– Эй, ты! Смотри, куда прешь, мудака! Здесь приличные люди отдыхают, а не всякая...

Пришлось врезать. Сильно. И еще раз. Вмешались друзья, но Макс помог. Вроде полегчало. Сейчас бы я, пожалуй, не отказался наклонить Заю даже в подъезде.

– Только не за руль, Сокол, не дури, – остановил друг, когда вышли на улицу, я вытер снегом костяшки рук и шагнул к машине. – Возьми тачку. Кажется, мы и правда с тобой сегодня перебрали. Ну бывай!

– Шеф, свободен? Переулок Федосеева.

– И ты тоже? – удивленно обернулся усач, заводя мотор. – Только что чудачку одну на Федосеева отвез. Представляешь, сама зелень сопливая, а туда же, платить не хотела. Придумала какого-то Тимура, но я-то свое стряс до копейки. Надеюсь, с тобой мы сразу договоримся об оплате вперед?

В квартиру вернулся поздно и сразу почувствовал, что Чиж дома. Странное чувство, незнакомое, как будто стены ожили. Зашептали, зашелестели при моем появлении, сообщая, что я больше не один. Может, именно об этом чувстве говорил отец, забрасывая меня вопросами о моей девчонке?

Точнее, о моей девушке. Смешно. Как вспомню это чудо на канате... Чуть не убил Лешего, когда узнал, откуда оно в моей квартире взялось. До сих пор на заднице синяк, кому рассказать – засмеют. Но как же вовремя и удачно. Лучше уж Чиж, чем будущая сводная. У Сусанны хватка железная, своего не упустит. А у отца больное сердце в анамнезе, и куриная слепота с дурью к хищной бабе. У каждого своя жизнь, и лучше бы сгладить углы.

Я разулся, снял куртку и вошел в комнату. Чиж уже спала на матрасе. Свет мягко падал на свернутую клубком девчонку, и вдруг подумалось, как быстро она освоилась в чужой квартире. Как будто уже жила здесь. Так почему меня это факт не задевает? Где знакомое раздражение при виде ночных гостей? Сколько раз я сам взащей выгонял своих приятелей, желая остаться один? Неужели все дело в чертовой Илонке?

Да, именно. Я вспомнил, как однажды в отцовском доме она пришла ко мне в спальню, и скривился. Тогда я был пьян, сейчас – тоже. Но недостаточно пьян, чтобы, улегшись в постель, еще раз не спросить себя: какую чертову игру я затеял?

Нет, определенно, чтобы избежать глупых мыслей, пора

спать.

Ночью снился подъезд и Зая. Неважно, какая из них, я все равно не видел лица. Вот только волосы у Заи были непривычной длины и мягкие на ощупь. Не помню, чтобы трогал такие. И голос отдаленно чей-то напоминал.

Когда проснулся утром, зимнее солнце светило в комнату, а постель Чижа была убрана. На этот раз стены снова подсказали мне, что я в доме один. Странно. Я не спросил девчонку, чем она намерена заниматься в выходной день. Но если решила не надоедать хозяину, так это же отлично!

Откинув одеяло, поплелся на кухню. А вдруг Чиж и сегодня что-нибудь приготовила? Вчера мы с отцом в три счета умяли гренки на зависть Сусанне, и желудок требовал повторить праздник.

Нет, пусто. Лишь записка на кухонном столе и деньги.

«Засунь свои чаевые в ***ницу, Сокольский, вместе с осиновым колом! Сам покупай молоко, понял! И батон!»

А внизу рожицы. У меня даже глаза полезли на лоб от такого художества.

Что за...

Чего?!

POV Чиж

В субботнее зимнее утро в любом дворе любого городка жизнь начинается чуть позже обычного. Вот и в этот выходной день в родном дворе дома родителей стояла относительная тишина, и к подъезду я кралась, как к городской черте полевая мышь. Не отвечивая в окна соседей физиономией и низко натянув шапку на глаза.

Причиной такого странного поведения с моей стороны был бывший парень – сосед по лестничной площадке и первая любовь. Точнее тот факт, что в эти выходные он тоже

гостил у родителей и сейчас находился поблизости. Чтобы с ним не встретиться, я была готова на любые уловки, даже стать Человеком-Невидимкой или Бэтменом влететь в окно. С меня с лихвой хватало наших встреч в университете и многозначительных взглядов: «Вернись, я все прощу». И если в большом городе мне казалось, что факт расставания для нас обоих очевиден, то в родном городке память бывшему со странным постоянством изменяла, и он снова и снова принимал меня встречами и выяснением отношений. А вернее сказать – доставал «настоящим чувством», которое по его твердому убеждению, три ха-ха, всегда принадлежало Анфисе Чижик.

Я вошла в подъезд, взбежала на носочках на третий этаж и заскреблась в знакомую дверь ключом. Войдя в родной дом, притворила дверь за собой, и только когда щелкнул замок, негромко окликнула родителей:

– Ма-ам? Па-ап? Вы где? Это я!

В прихожей вкусно пахло едой, на кухне негромко бубнил телевизор... Скинув с плеч пуховик и сбросив сапоги, я отправилась навстречу запахам.

– Анфиса! Дочка! Ну наконец-то приехала! Иди скорее ко мне, моя девочка, я тебя обниму! – выдохнула мама, встречая меня крепкими объятиями с поцелуем. Развернув перед собой, в две секунды ощупала и осмотрела на предмет целостности, и вновь прижала к себе.

Как же я люблю возвращаться домой!

– Привет, мам!

– А щеки-то, щеки какие с мороза холодные! Фанечка, ты замерзла? Где твой шарф? Почему так легко одета? Ты что, похудела? А ну-ка свитер подними! Конечно, и футболку не поддела! И глаза блестят. Ты случайно не заболела, доча?

– Да не-е! – я засмеялась и сама крепко-крепко обняла маму. Неважно, что я чувствую в душе, и вообще, что за кавардак творится в жизни. Мам нельзя огорчать, им за нас вдвойне больнее. Если у нас на сердце трещинка, то у них – разлом. Если царапинка, то у мам – живая рана. Вот побуду рядышком, напитаюсь любовью, а потом снова пойду в большую жизнь оптимистом. Мамы они умеют все по полочкам расставлять.

– Фанька, ты чего? – удивилась родительница, посмеиваясь. – Соскучилась? – в детстве я вообще висела на ней, как паук. Да и на отце тоже.

Я кивнула:

– Еще как! Ма-ам, а чем так вкусно пахнет? – прищурила один глаз, заглядывая в любимое лицо. – Неужели ватрушечки?

– Они самые, твои любимые. Хорошо, Фаня, что ты с утра позвонила. Я на рынок сбегала и вот... уже скоро испекутся. А пока давай-ка садись, покушай с дороги. Федя еще вечером суп с клецками на ребрышках приготовил. Как знал, что ты приедешь.

Ум-м-м. Люблю ребрышки! И папку люблю!

Руки вымыла, села за стол и заработала ложкой, как стахановец. Чаф, чаф. Нет, ну правда же есть хочется!

– А где папа-то?

– Да с Юрой уехали на рыбалку. Клев у них, видите ли, сезонный! Ну ничего, к обеду вернутся. А к ужину, может, и рыбка будет.

Мама нахмурилась, я тоже.

– Фаня, там к Юре с Диной сын приехал. Звали нас с отцом на чай, но мы не пошли.

– Я знаю. Он мне звонил.

– Ты смотри, – мама неприятно удивилась, а я чуть не укусила себя за длинный язык, – сколько времени прошло, а все никак не отвяжется. Может, дочка, мне с Диной еще раз поговорить? Как думаешь?

– Нет, мам, – я легко отмахнулась. – Брось! Не хватало еще вам с папой в наши дела лезть. Сами разберемся, подумаешь! Уже не дети.

С родителями бывшего родители дружили много лет. Вместе в дом заселялись, вместе детей в школу-сад водили, жили дверь в дверь. С нашим расставанием дружба между семьями поостыла. (Да что там, было время, когда упала до точки замерзания!) И все же сейчас отношения с соседями родители старались поддерживать приятельские. Да и кажется мне, что обе семьи еще втайне на что-то надеялись, но я эти надежды старалась категорически не замечать.

Ребрышки оказались такими вкусными, что я даже ко-

сточки погрызла. Мама как раз достала из духовки румяные ватрушки и смазывала их маслом, когда я встала из-за стола, подошла и крепко обняла ее со спины. Поцеловала плечо сквозь халат.

– Маму-уся.

Мама сразу напряглась.

– Фаня, у тебя точно все хорошо? – покосилась озадаченно. Провела ладонью по волосам. – Какая-то ты расстроенная.

Я постаралась изобразить непринужденность.

– Все просто отлично, ма! Учусь, работаю. Да я у тебя вообще умница!

– Ох, Фанька...

Мама засмеялась и сунула мне в рот кусок ватрушки. Я с удовольствием схрумкала.

– А как там Матильда Ивановна поживает? – спросила. – Кстати, все никак не найду время списаться с ней в «Одноклассниках». Она мне ссылку на новый турецкий сериал обещала дать, а нашей бабе Фисе – особую схему для вязания. Бабуля Роберту свитер вяжет на день рождения, только это пока секрет!

Господи, до чего же я врать не люблю.

– Да нормально поживает. Йогай занимается, в театр с подругами ходит. Не скучает! – И поспешила перевести стрелки на рельсах маминого внимания, пока та ничего не засекала. – Мам, а как ты посмотришь на то, что я возьму и пере-

еду в общежитие?

– В общежитие? – мама, конечно, удивилась. – Студенческое?

– Ну да, – пожала плечами. – Знаешь, там весело. И вообще другая жизнь...

– Анфиса, у тебя что, появился парень?

Я даже рот открыла. То ли от удивления, а то ли от страха, что мамин рентген-луч все-таки засек неопознанный пернатый объект в опасной ко мне близости.

– Да нет. С чего ты взяла?

Теперь мама пожала плечами. Смутилась слегка.

– Не знаю. Наверно потому, что ты у нас взрослая совсем стала, самостоятельная. Возьмешь вдруг, выскочишь замуж, а мы с Федей и не заметим.

Я снова полезла к маме тискаться. Вот люблю обнимашки, хоть хлебом не корми!

– Ой, мам, перестань! Нужны они мне все – изменщики! Я вас люблю!

– Так не все же, Фаня, изменщики-то! – мама даже возмутилась, вступившись за сильный пол. Ну еще бы не возмутиться при нашем-то папе-однолюбе. – Есть и нормальные парни. Вон, Оксана Сусликова, твоя одноклассница, они с Женей Прохоровым третий год встречаются, и вроде дело даже к свадьбе движется. Да, не красавец с лица, но душой... Ты бы, может, обратила внимание на нормальных-то ребят. Ты же у нас девочка симпатичная.

Это мама меня жалеет. Все переживает, что я в душе по бывшему сохну, но ей не признаюсь. Подозревает незажившую рану. Мол, гордо страдаю, потому третий год и не встречаюсь ни с кем. Да нужен он мне! По нему тут полрайона сохнет, вырастили родители «лебедя». Нет уж, не тот у меня характер – в любви страдать. Да, было больно, очень больно, но вырвала с корнем и забыла. На грабли пусть другие наступают, а я свое в лоб уже получила. На всю жизнь урок запомнила.

А что касается Женьки с Оксанкой... Как по мне, так Сусликова та еще капризная мымра. Я б на месте Прохорова ее уже в каком-нибудь цветнике бурьяном закидала. Капризная и ревнивая до жути. А вот Женька действительно хороший парень, правда, скромняга и молчун.

– Мам, ты сейчас говоришь, как наша баба Фиса.

– Да? А что баба Фиса говорит?

– Говорит, что нечего молодой девчонке жить со старухой Матильдой. Что мне с молодежью гулять надо, на танцульки ходить, а не с бабками на кухне семки плевать. Что скисну как простокваша во цвете лет и через год буду носки на спицах вязать, как она.

– Это наша бабушка такое говорит?!

– Наша!

Я засмеялась и мама тоже. Значит, вопрос с общежитием можно считать решенным. Хорошо. Приеду, первым делом еще раз наведаюсь к коменданту, напомним о себе, а то дев-

чонки из агентства что-то молчат.

– Фаня! Фаня приехала! Фаня!

Мелюзга, младшие сестренки ураганом промчались по квартире, вскарабкались на колени и повисли на плечах. Заглянули бесхитростно в глаза, тиская шею.

– А что ты нам привезла?

– Да, что ты нам привезла?

– Что?

– Что?

Вот так всегда, как все двойняшки, в два голоса.

– Девочки! – осадил сестренку мама. – Как не стыдно! – сказала с упреком. – Анфиса домой приехала, к своей семье, это мы должны ее встречать и угощать!

Но, конечно, я кое-что привезла девчонкам. Два киндера и апельсин брату. Чем богаты, как говорится.

– Фаня! Фаня!

– Да я это, девочки. Я! Только не вопите так громко, – попросила, – у нас же стены тонкие! Соседи услышат.

Но разве малышню утихомиришь? Слопали киндеры и давай жаловаться:

– Фаня, а нас Робик обижает.

– Да, обижает.

– Не играет с нами.

– Совсем не играет.

– И папе помогать не хочет!

– Не-а, – и мордашки такие обиженные, как у двух моп-

сиков.

Не удержалась, погладила обеих по волосам. Смешные зеленоглазки, всклокоченные, в пижамах. Совсем как я когда-то. Хотя из пижамы-то я до сих пор не выросла.

Посмотрела на маму.

– Мам, Кубик-Рубик там что, совсем зазнался, что ли? Чего это не помогает, не поняла?

Мама только рукой махнула.

– Ох, Фаня, эти мальчишки... У Роберта сейчас возраст сложный. Его от компьютера краном не оттащить. Какое там помогать! Уроки из-под палки. С девочками гулять не заставишь. За хлебом послать и то проблема. Одни игры на уме!

– Что? Да какой там возраст! Так, – встала из-за стола, – я пошла! Что еще за новости!

– Куда? – вскинулась мама.

– Куда?

– Куда? – запищали девчонки.

– В детскую, – свела брови, как Карабас-Барабас, и щелкнула сестренку по носикам. – Поздоровуюсь с братом!

В спальню крались, как настоящие партизаны – на цыпочках, друг за дружкой по стеночке. Только остановились у дверей, девчонки тут же запрыскали смехом. (И почему все люди так любят делать гадости? Даже маленькие?) Пришлось повернуться и погрозить смешарикам пальцем.

– Тихо мне, жужжалки! Если сорвете операцию по воспи-

танию Робика – останетесь без няньки! – девчонки послушно закрыли рты ладошками.

А Кубик-Рубик подрост. Я не видела младшего брата три недели, но все равно соскучилась. В детстве я так любила играть с ним. Куда только не водила – и в садик, и в школу. Любуясь братом, осторожно убрала со лба отросшую челку, погладила затылок. Вот умеют же мужчины спать – беспробудно. Пусть и такие безусые. Точно ведь за мой компьютер уселся, как только родители уснули, и просидел до утра. А теперь отсыпается.

– Кошка, – тихонько позвала Николашку. – Давай сюда барби. Всех, что найдешь. Только тихо! Мышка, – обернулась к попискивающей от предвкушения гадости Мишель. – Тащи своего медведя, который с соской, и во-он тот розовый бант. Будем нашему Робикку фотосессию делать!

– Фань, а если он рассердится? – спросила Николь, но ей тут же ответила сестра. Таким же заговорщицким шепотом:

– А если рассердится, мы папу позовем! И папа нас защитит!

Господи, и чему я только детей учу? А ведь старшая сестра должна быть младшим во всем примером.

Ай! Сколько того детства! Зато будет что вспомнить!

Малышня отреагировала молниеносно. Запыхтела, завозилась, отыскивая игрушки. Глядя на их старания, я подняла вверх большой палец.

Кубик-Рубик крепко спал, расплющив щеку о подушку и

рыбкой открыв пухлый рот. Осторожно, работая как настоящий щипач-карманник, я вставила в рот брата соску, прицепила на волосы бант, подняла руку и всунула под мышку плюшевого медведя. Приподняв одеяло, уложила в ряд барби. Композиция получилась – просто зашибись, и у меня слезы текли от еле сдерживаемого смеха, когда отщелкивала брата на фотоаппарат телефона.

Как всегда гениального комбинатора подвела команда. Эх, профаны! Но я и сама больше не могла молчать, и когда Робик открыл сонные глаза, мы с малышкой хохотали как сумасшедшие. Какие там тонкие стены и соседи? Кажется, нас слышали все!

– Если... если... если не будешь помогать родителям, Кубик-Рубик, и гулять с девчонками, я вот это, – и бац брату картинку-сюрприз под нос, – покажу всем! В... в...в... ах-хаха... контакте!

Девчонки только соли подсыпали:

– Хахаха!

– Ма-ам! – ух и кабанчик! Спрыгнул с постели – пол вздрогнул. Протопал рюмсающим топтыгиным к маме на кухню, забыв снять бант. – Мама, Фанька дура!

– Ну все, – ударили с девчонками по рукам, – теперь можно уезжать со спокойным сердцем. Такой компромат – закачаешься! Будет родителям помогать как миленький! И вам сопли утирать!

– Мы большие!

– Да, мы большие!

– Да кто бы сомневался!

Через полчаса мы с Робиком помирились, и я уже тискала брата за пухлые бока. А мелюзга так и вопила до вечера, вцепившись в меня жадными паучками – Фаня то, Фаня это. А я рисовать хочу, а я – смотреть мультики. Только папа и смог всех успокоить и уложить по спальным местам.

А потом мы с родителями пили чай на кухне, разговаривали, и я делала вид, что не замечаю бесконечных входящих звонков от неизвестного абонента, терзающих мой онемевший телефон. Разозлившись, и вовсе отключила средство связи и пошла спать. Но бывший не был бы бывшим, если бы не догадался по визгу и смеху смешариков, что я дома, и не знал, как меня достать.

Только пришла в детскую и улеглась на своем диванчике – стал настучивать монеткой в стену, так, как мы перестукивались, когда были детьми. Да и позже, когда детьми уже не были.

Тук-тук. Тук-тук-тук. Тук-тук. Тук.

Тоже мне радист, блин! А главное, знает ведь, что я помню все наши стуки и понимаю, о чем он «говорит».

Тук. Тук. Тук-тук-тук.

Черт! Да что ж ты не уймешься-то!

Прокравшись из спальни в прихожую, накинула куртку и вышла на лестничную площадку. Сказала хмуро, убедившись, что дверь за спиной заперта:

– Чего тебе?

– Привет.

Я промолчала. Здраваться с бывшим у меня давно пропало всякое желание.

Ничего, проглотил. Влез плечом между мной и дверью, оттеснил к стене. Ну-ну. Знаем, проходили.

– Анфиса...

– Достал! – не удержалась. Если бы могла, так и топнула бы ногой. – Еще раз спрашиваю: что надо? Зачем стучишь?

Не понравилось. Напыжил плечи, сунул руки в карманы джинсов, перекатился с хмурым видом с носков на пятки и обратно. Заиграл бицепсами.

Хорош, не спорю. Красавчик, и за фигурой следит. Только вот не ёкает внутри ничего. Умерло.

– Почему со мной не поехала? Я ждал.

– Не захотела, – ответила честно. – Да и с чего вдруг? Я что, должна?

– А почему бы и нет? Мы же соседи, знаем друг друга сто лет. Да хоть по старой памяти...

– Вот именно что сто лет. Только, помнится, этот факт не помешал тебе отказаться от меня. Так что сейчас, спрашиваю, понадобилось?

– Анфиса, перестань, – улыбнулся кротко и обаятельно – прелесть, а не парень. – Сама ведь все понимаешь. У мужчины должно быть в жизни время, когда он предоставлен сам себе. С этим просто нужно смириться, и все. Это – не навсе-

гда!

Ну и хитрец. Да уж, догадаться несложно. Еще бы к самосознанию и стыду воззвал. И простил бы снисходительно дуреху бестолковую.

– Не-а, не понимаю. Не хочу понимать, с подобной жизненной фигней не ко мне. Но знаешь, я без претензий. Как подумаю, что могла уехать в другой город, другой университет, и никогда не узнать, какой ты, продолжать безоглядно верить – так в дрожь бросает. А сейчас мы чужие люди, и точка!

– Фаня... – вот же гад, еще и руки тянет! Пришлось отступить.

– Отстань, а? По-хорошему прошу! Ну сколько можно? У тебя своя жизнь, у меня своя. Забыто все.

– А если я скажу, что нет? Что я по-прежнему верю в наше будущее?

– Если ты так скажешь, то я отвечу, что поздно, и даже смеяться не буду. Потому что уже не смешно.

– Фаня, я виноват, – шаг вперед, и еще шаг. – Остался год, а я понимаю, что надоело. Пресытился. Скучаю. Все равно таких, как ты, нет, и дальше – только хуже. – И рукой по волосам провел, ласково так. Еле сдержалась, чтобы не ударить.

Сволочь. Достучался-таки. Разбередил душу. И не хотела, а сердце сжалось в старой боли предательства, даже слезы выступили. Выдохнула задушенно, выдавая себя:

– Если пресытился, значит, было вкусно?

– Не без того, – ну хоть честно. – Но кто не ошибался? Не всем быть такими сильными, как ты.

– Я? А что я? – от удивления нашла в себе силы улыбнуться. – О, я Геракл! Да! Каждый раз, когда тебя вижу, мышцы прокачиваю. Снова и снова повторяю, что не стоишь ты моего огорчения и плевать хотела!

– Но я всегда о тебе помнил, Чижик. Всегда! Если бы ты только захотела, я бы...

– Что? Ну что «ты бы»?.. – посмотрела бывшему в глаза. – Нужен ты мне такой пользованный, как... как... – захотелось сказать вот совсем грубость, но не смогла.

– Фанька, скажи, – прижал грудью к стене, задышал часто, – у тебя ведь нет никого? По-прежнему никого?

– Не твое дело.

– Нет, мое, – ответил упрямо, как всегда. И такой серьезный, вроде он мне одолжение делает. – Мое!

– Что? Хочешь на двух стульях усидеть? И рыбку съесть и... сладкий пряник?

– Хочу быть с тобой, дура. И буду! Только попробуй с кем-нибудь шашни закрутить, ты меня знаешь...

Ну вот, и этот обзывается. Может, я и правда не в своем уме? Иначе почему стою здесь и разговариваю с тем, кого столько раз клялась обходить стороной? Но сейчас он заикнулся о кое-чем важном для меня, и я напряглась. Да что там, меня так в жар бросило, что чуть не уронила красавчика

на пол, когда отталкивала от себя.

– Только попробуй! Никогда не прощу!

– Фаня...

– И парень у меня есть! И личная жизнь! И он... он в сто
тыщ раз лучше тебя, понял! Верный и надежный! – Эх, где
бы еще такого найти? Но главное ведь бравада? А горечь по-
том проглочу. – Я ему даже снюсь каждую ночь! Потому что,
как меня встретил, так и жить без меня не может! Не то что
ты!

Смотри-ка, бывший прямо лицом побледнел – артист!
Дернул губами:

– Вы спите?

– Нет, кино смотрим. – И добавила зачем-то: – Про бара-
башек и Буратино!

– Ты... Ты... – навис фонарем, сверкая глазами. Упер ку-
лаки в стену.

– Ну давай, скажи, что я? Или кто я?

Не сказал. Успокоился, выдохнул, волосы растрепанные с
глаз убрал. Заулыбался ехидно.

– Не умеешь ты врать, Чижик. Нет у тебя никого. Я бы
почувствовал. Ты моя, Фанька...

Вот верите – слов для ответа не нашла. Только кукиш уве-
систо под нос сунула и дверь за спиной хлопнула.

Хрен тебе, а не Фанька!

Прошла мимо родительской спальни, постояла, послуша-
ла, как похрапывает папка, и вернулась к себе. Забравшись

в постель, притихла. Сон никак не шел, в голове крутились разные мысли, вспоминалась юность и первые поцелуи... то, как я была счастлива когда-то – глупая, влюбленная в соседа-мальчишку школьница, и снова отчаянно захотелось реветь. Да что там реветь – выть! Неужели действительно нет на свете любви – верной и настоящей? Теплой, солнечной, надежной? Неужели чтобы стать счастливой, нужно прощать и понимать? Жертвовать во имя чужой прихоти? А как же я? Как же мое сердце? Ведь оно чувствует и болит.

Всхлипнула раз, всхлипнула два... Если сейчас не почи-таю чего-нибудь про любовь – точно разревусь и оконча-тельно разуверюсь в этом чувстве. Утерев нос, решила плю-нуть на соседа и включить телефон. Там у меня книжече-ек – тьма! И половина о любви! Я как раз не дочитала сце-ну схватки капитана Джона с Кривым Биллом за жизнь сво-ей возлюбленной – прекрасной маркизы Габриэль. Красотку едва не похитили пираты, когда сегодняшним утром между-городный автобус затормозил у дома моих родителей.

Всхлип. Всхлип. Э-эх... Еще раз вздохнула, включая кулридер и нужную закладку.

«...Противники схлестнули шпаги, рассекли воздух, и благородная сталь зазвенела от напряженной схватки, развернувшейся на капитанском мостике «Пегаса». В паруса бил ветер, нос шхуны рассекал высокие гребни волн, и все, что осталось у измученной Габриэль – это надежда, что Бог не оставит их с Луизой, и раненый

капитан победит исчадие ада. Предводителя пиратов и самого страшного человека в море – Кривого Билла.

Внезапно противники замерли, и бедная девушка увидела, как белоснежную рубашку капитана окрасили алые пятна крови.

– Джон! – упав на колени, вскричала Габриэль, и...»

Тю-у, я разочарованно заморгала, увидев входящий звонок. В такое-то время суток? Пришлось сесть в кровати и спросить шепотом:

– С-сокольский?

– Ну наконец-то! – облегченный выдох, и вместо приветствия: – Ты где, Чиж? Почему телефон в отключке? Сбежала? Мы так не договаривались! – и голос, главное, такой сердитый, что сразу захотелось возмутиться.

– Вот еще. Не дожدهшься!

– Тогда где? Ты время видела? Почему не дома?

– Не твое птичье дело! – Да, невежливо, но Сокол после выходки в кафе на вежливое и не заслужил.

– Я в «Маракане», если что. И тебя здесь нет.

Ну и логика у этих мужчин! Никакой фантазии. А может, я в Таиланд рванула, или еще куда. Сам-то наверняка с друзьями в баре сидит. Субботний вечер, девочки, все дела. Кажется, вчера я ему здорово планы расстроила. Даже странно, что обо мне вспомнил.

– Конечно, нет! – ответила не менее сердитым шепотом. – У меня вообще-то выходные и личная жизнь! Имею право!

– Да? А чего тогда реवेशь, если личная жизнь? Чего шмыгаешь в трубку? Не клеится? Эй, ты там что, не одна?

– Слушай, Сокольский, – пропыхтела возмущенно. – Ты еще бинокль в телефон сунь! – Вот точно «совсем офигел» – это про тебя. Не много ли личных вопросов в половину первого ночи?

– Значит, одна. Была бы с кем-то – трубку не подняла.

А чего мы такие довольные, интересно? Злорадуем? Мало он мне вчера свой трофей длинноногий демонстрировал, так решил и здесь укусить, везунчик. Незаметно для себя сползла с дивана и встала посреди спальни, уперев руку в бок.

– Да какое тебе дело вообще? Шерлок, блин! Да ты радоваться должен, что меня нет! Такая возможность уделить внимание Заям! Лучше бы моментом воспользовался, принц дятлов, пока сестра-лунатик в бегах за нечистью! А то смотри, я сделку прерывать не собираюсь! Мне жить негде!

– А раньше ты не могла сказать про личную жизнь? Договоривались же предупреждать! Хоть бы телефон включила, три часа названиваю в глухую рельсу! – и запоздалое: – Кто-о?!

Я почему-то промолчала, а Сокол выдохнул. Сказал уже спокойнее:

– Значит так, Чиж – ты будешь сегодня в квартире, или нет? Ты права, у меня на нее планы. Краткосрочные.

– Нет.

– Отлично. Где ты? И смотри не ври. Меня интересуют «рабочие моменты», а не твоя личная жизнь.

– Я у родителей. Приеду послезавтра утром. Могу с автобуса сразу на учебу, чтобы тебе глаза не мозолить. Так что увидимся только в понедельник вечером. Точнее – днем. В баре же выходной...

– Все сказала? – и снова усмешка из голоса пропала. Интересно, почему?

– Все. А что?

– А то! У меня в квартире были гости. Точнее гостья. Я уезжал по делам, а когда вернулся – все пропахло духами Сусанны. Наверняка воспользовалась ключами отца. Я ей матов по телефону нагнул, только толку-то? Ясен пень, прошерстила по углам. Она была, а тебя, Чиж, – не было! Я с кем сделку заключал?

– Так я же...

– Так я же, – передразнил меня Сокол (вот же гад!). – Обиделась, да? Картинки глупые вздумала рисовать? Еще одна истеричка, терпеть таких не могу!

– Знаешь что?

– Что?

– Вот если бы ты оказался сейчас рядом, Сокольский, я бы тебе с целью мозги поправить так в ухо двинула, чтоб ты не встал! Без всяких истерик. Лучше скажи, что от меня нужно. Хорошо, я приеду завтра вечером.

– Утром. Ты должна быть у меня утром, желательно к ше-

сти. У отца завтра дела в городе, он с пяти утра на ногах, так что с подачи Сусанны как пить дать к восьми зайвится с проверкой. Похоже, у них там в отношении меня разработан настоящий план «Барбаросса». И сама понимаешь, против тех доводов, которыми обрабатывает отца Сусанна, мне крыть нечем. А ты, помнится, за порядком следить обещалась и функцию девушки выполнять – так вперед к обязательствам, Чиж! Я срach не люблю и отец – тоже!

Чего?! Снова села на диванчик. Чтобы не разбудить брата, прикрыла рот ладонью.

– Ты с ума сошел? Мне же автобусом добираться больше двух часов! Если сяду на тот, который отправляется в половину шестого утра – в городе буду к восьми. Потом к тебе от вокзала добраться еще полчаса. Сейчас почти час ночи. Сокольский, ты надо мной издеваешься, что ли? – изумилась.

Пауза и глухое, очень мужское:

– Нет.

– А мне почему-то кажется, что да.

– Хорошо, Чиж, я сам тебя заберу, только не ной.

– То есть? – притихла у трубки. – Как это? – винтики в голове затормозили.

– Очень просто! Сейчас приеду. Называй адрес.

– Постой... Куда приедешь? Ко мне в Гордеевск, что ли? – спросила оторопело. Ну и шутки у Сокола. – Ты что, пьян? – усомнилась в трезвой мысли парня.

– Если бы. Как тебя встретил, так хрен знает, что в моей

жизни творится!

– Эй, вообще-то я тут ни при чем!

– Да-а?! А кто ко мне в постель зайцем пробрался? Тарасился на мой зад?

– Ты! Пф! Да знаешь что!..

– Что?

– Ничего! А как же твои краткосрочные планы? – усовершенствовавшись, решила снизить обороты. Как ни крути, а уговор есть уговор. Сама виновата.

Сокол вздохнул. Я вот прямо почувствовала, как крепко он меня уважает. Мог бы, задушил от силы чувств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.